ЭМАНУИЛ ШТЕЙН

ЛИТЕРАТУРНО-

ШАХМАТНЫЕ КОЛЛИЗИИ:

ОТ НАБОКОВА И ТАЛЯ ДО СОЛЖЕНИЦЫНА И ФИШЕРА

ANTIQUARY 1993

ЭМАНУИЛ ШТЕЙН
ЛИТЕРАТУРНО-
ШАХМАТНЫЕ
КОЛЛИЗИИ:
ОТ НАБОКОВА И ТАЛЯ
ДО СОЛЖЕНИЦЫНА И ФИШЕРА

ЭМАНУИЛ ШТЕЙН

ЛИТЕРАТУРНО-ШАХМАТНЫЕ КОЛЛИЗИИ:

ОТ НАБОКОВА И ТАЛЯ ДО СОЛЖЕНИЦЫНА И ФИШЕРА

ЭМАНУИЛ ШТЕЙН

ЛИТЕРАТУРНО-ШАХМАТНЫЕ КОЛЛИЗИИ:

ОТ НАБОКОВА И ТАЛЯ ДО СОЛЖЕНИЦЫНА И ФИШЕРА

ANTIQUARY 1993

Emanuel Sztein

LITERATURNO-SHACHMATNYE KOLLIZII

First published 1993 by Antiquary Publishing House
594 Chestnut Ridge Rd. Orange, Conn. 06477

International Standard Book Number: 1–878445–60–X

Printed in the United States of America

ПОРТРЕТ В ЧЕРНО–БЕЛЫХ ТОНАХ

Да, читатель, пора признать и сказать об этом прямо, без всяких там экивоков: в нашем "Архиве" налицо полная утрата революционной бдительности. То, понимаешь ли, выступают какие–то сомнительные эмигранты вроде Зноско–Боровского, то Алехин стал позволять себе неуместные сентенции по адресу большевиков, то вот теперь какой–то Эммануил Штейн вещает... Тревожные, прямо скажем, факты! Особенно последний. Не верите? Поинтересуйтесь у бывших руководителей советских шахмат. Уж кто–кто, а они–то вам глаза откроют на этого Штейна. Ишь, изображает из себя ревнителя шахматной старины, знатока русской поэзии... А на деле?

"ИЗ КОМПЕТЕНТНЫХ ИСТОЧНИКОВ"...

"Откровенный сионист, сбежавший из Польши, ныне гражданин США, сотрудник "Голоса Америки" и ряда антисоветских журналов, Штейн выступал в команде Корчного в роли пресс–атташе". Такую вот "информацию к размышлению" подкинул в декабре 1981 года читателям "Литературки" космонавт В. Севастьянов, многолетний председатель Шахматной федерации СССР. Дальше — больше: "Однажды в Мерано он специально подошел ко мне, чтобы демонстративно заявить, что он готов хоть завтра лететь в Москву с автоматом и стрелять там во всех, кто ему попадется,

начиная с Красной площади и до МГУ. Вот она, человеконенавистническая суть антисоветизма!"

Просто мороз по коже. Одно только непонятно: почему для столь ответственного заявления был выбран именно Виталий Иванович? Ведь наша делегация большая была, со своим пресс–атташе... Между прочим, руководил ею В. Батуринский — тогдашний зам Севастьянова. Понятно, что в своих мемуарах ("Страницы шахматной жизни", 1983) он тоже не забыл помянуть "добрым словом" заокеанского Штейна: "Когда–то он учился на филологическом факультете Харьковского университета... Этот субъект, одержимый патологической ненавистью к нашей стране, был в Мерано зачинщиком различных антисоветских провокаций. Нередко Штейн появлялся в майке с надписью "Солидарность", и, видимо, по его совету, Корчной прикалывал к своему пиджаку значок этой организации, истинное лицо лидеров которой было полностью раскрыто в последнее время".

...Такими вот немудреными средствами лепился еще совсем недавно в нашем сознании образ врага. Так кто же он, Эммануил Штейн? Что за личность скрывается под этим ворохом идеологической шелухи?

Слово — гроссмейстеру Юрию АВЕРБАХУ.

...И ПО СУЩЕСТВУ

В 1973 году в США вышла первая в истории мировой литературы антология русской шахматной поэзии. Ее название, "Мнемозина и Каисса", глубоко символично. Богиню Мнемозину, мать девяти олимпийских муз, и богиню шахмат Каиссу объединяет то, что они обе служат одному идеалу — красоте. Красоте творчества, красоте человеческой мысли.

В антологии была представлена шахматная поэзия от Пушкина до наших дней, включая поэтов русского зарубежья, которые только в последние годы стали до-

ступны советскому читателю, — таких, как Валерий Перелешин или Иван Елагин. Кстати, весьма знаменательно для поэтов, отторженных от родины, что шахматные образы нередко наводят их на тягостные раздумья о судьбах России, а себя они отождествляют с гибнущим королем...

Подборка стихов, как и вступительная статья "Поэзия и шахматы", делали честь составителю книги. Чувствовались эрудиция, глубокое знание поэзии и тонкое понимание шахмат. Такое бывает не часто. Именно поэтому имя мне запомнилось — Эммануил Штейн.

Позднее мне как-то попал в руки журнал "Континент", и там я неожиданно обнаружил написанную со знанием предмета статью о шахматах. Ее автором тоже был Штейн. А сравнительно недавно в журнале "Знамя" читатели могли познакомиться с его обстоятельными статьями, посвященными литературе русского зарубежья и поэту Арсению Несмелову.

И вот, приехав в мае прошлого года в Нью-Йорк для участия в конгрессе коллекционеров и историков шахмат, я наконец встретился с Эммануилом Штейном. Ныне он руководит американским издательством "Антиквариат", которое специализируется на выпуске книг на русском языке, ставших библиографической редкостью, а также антологий русской поэзии. В числе книг, выпущенных издательством, — "Колокола собора чувств" Игоря Северянина, "Пушкин в театральных креслах" Леонида Гроссмана, "Гамбургский счет" и "Ход коня" Виктора Шкловского.

Впрочем, название последней книги только символ: о шахматах в ней нет ни слова. Но среди продукции "Антиквариата" есть и репринтное издание книги профессора А. Смирнова "Красота в шахматной партии", выпущенной в 1925 году ленинградским издательством "Академия".

Из разговора со Штейном выяснилось, что он по-

прежнему служит двум богиням — Мнемозине и Каиссе. Поэтому, прощаясь, я попросил его написать что-нибудь для нашего журнала.

— В последнее время я отошел от шахмат, — ответил он, — да и чувствую себя неважно. И все же нечто интересное я вам пришлю...

Штейн сдержал слово.

(Из журнала "Шахматы в СССР", № 1, 1991)

ВЛАДИМИР НАБОКОВ: ШАХМАТНО–ПОЭТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ТВОРЧЕСТВА

В жизни Владимира Набокова не было малинового звона шахматной "путеводной ноты", чему виновником он был сам: в ставшей внезапно исторической тринадцатой главе воспоминаний — "Другие берега" писатель констатирует: "Единственное мое возражение против шахматных композиций это то, что я ради них загубил столько часов, которые тогда, в мои наиболее плодотворные, кипучие годы, я беспечно отнимал у писательства". Продолжим недоговоренное писателем: "чудовищные трудности предстоящего перевоплощения", о которых он писал в предисловии к русскому изданию "Других берегов", не прошли без потерь — оказалось, что слишком мало времени посвятил он шахматной Музе, и она за это его наказала. Шахматно–композиторского дара Набокову с лихвой хватило бы на то, чтобы встать в ряд с Ллойдом, Врубелем, Троцким — величайшими шахматными проблемистами, однако, творческая раздвоенность помешала этому. Не стал Набоков и великим русским поэтом 20–го века (звание это он самолично уступил Ходасевичу) — всемирную славу принесли ему романы. По иронии судьбы, приблизительно такой же путь потерь и приобретений прошел в наше время еще один гениальный самородок, пишущий

слабые стихи и создавший шедевры шахматной композиции. Не за это ли богиня шахмат Каисса помогла ему, Каролю Войтыле, занять Папский Престол?

Анализ шахматной и поэтической "массы" в творчестве писателя далеко не формален по своей сути, постановка этого вопроса имеет еще и дополнительное, культуртрегеровское значение: а именно, как влиял Набоков своими шахматно–поэтическими дерзаниями на зарубежных коллег по цеху и, как ни парадоксально, как замкнутый черно–белый квадрат доски способствовал явлению Набокова советскому народу, событию хотя и значимому, но...

Сначала небольшой экскурс в прошлое. Вспоминается, как лет этак пятнадцать тому назад, в самом начале семидесятых, в Йельском университете с лекцией "Книга в СССР" выступал директор библиотеки Белорусской Академии Наук. Довольно опрометчиво я тогда спросил выступавшего: можно ли вскоре в Союзе ожидать публикаций произведений Набокова (в то время в 5–ом томе КЛЭ уже бала статья о писателе). На вопрос докладчик ответил наступательным вопросом: "А вы давно выехали из СССР?" Мой ответ, что де давненько, тут же был парирован убийственной сентенцией — "Вот это и видно. Вы лишь слыхали фамилию большого русского писателя, поэтому и не запомнили ее хорошо — он не Владимир НА...НА... ГОДОВ, а Юрий Нагибин!" Полагаю, что сегодня ученый муж знает уже, что Набоков — это не Нагибин и вице вэрса.

Сорок четыре года тому назад в пророческом стихотворении "Слава" Набоков предвидел свою литературную судьбу в России:

> Повторяй же за мной, дабы в сладостной язве
> до конца, до небес доскрестись: никогда,
> никогда не мелькнет мое имя — иль разве
> (как в трагических тучах мелькает звезда)
> в специальном труде...

На карнавальном разгуле горбачевской "гласности" литературный тамада, Фазиль Искандер, представил советскому читателю Набокова через полуоткрытую дверь специального издания "Шахматное обозрение".

"Шахматы в СССР" тоже посвятили свои страницы писателю. И стал Набоков своеобразной "добычей Рока" (слова Лозино–Лозинского): попал под цензурные ножницы.

Многочисленные поклонники творчества писателя на Западе неслыханно обрадовались: набоковский номер "Шахматного обозрения" стал бестселлером не только в СССР, но и в свободном мире. В ажиотаже и междометных всплесках упущено главное: даже безвинная, чисто шахматная часть 13–ой главы "Других берегов" была главлитовцами "подглажена" — из нее вычищено полпредложения. Вот оно: "...в свое время Россия изобрела гениальные этюды, ныне же прилежно занимается механическим нагромождением серых тем в порядке ударного перевыполнения бездарных заданий".

В цензурировании Набокова советской "гласностью" ничего удивительного нет, кроме вдруг возникшей чисто шахматной ситуации, когда один игрок допускает грубейшую ошибку, а его соперник проходит мимо выигрывающего хода. В шахматном "не поклонюсь, не примирюсь", Набоков, увы переборщил через край. Русь советская, конечно, сусальная, полная "немого рабства", но, нравится нам это или нет, советская шахматная школа все еще ведущая в мире. Утверждение писателя о серости перевыполнения бездарных заданий — грубейшая ошибка, оставь ее главлит — увидели бы миллионы советских шахматистов, что не слыхивал Набоков ни о Гаврилове, ни об Умнове, ни о Каспаряне, ни о многих других утонченных проблемистах. Или проще, Набоков, как говорят шахматисты, "зевнул" целый пласт мировой шахматной культуры и, о диво! — был прощен.

13–ая глава "Других берегов" — композиторское кре-

щендо писателя–проблемиста, пожалуй, самое блестящее, что создано мировой литературой об этюдах и задачах, но, как часто это бывало с Набоковым, необузданная фантазия и излишний адреналин приводили его на грань абсурда. Не будем однако слишком строги: отметим, что все чемпионы мира от первого — Вильгельма Стейница до нынешнего — Гарри Каспарова допускали страшнейшие "зевки"–промахи. Если уж им Каисса позволяла подобное, то Набокову это, тем паче, простительно. Проблемист–писатель с поднятым забралом идет против шахматного мира, он утверждает: "Характерно, что шахматные игроки — равно простые любители и гроссмейстеры — мало интересуются этими изящными и причудливыми головоломками и, хотя чувствуют прелесть хитрой задачи, совершенно не способны задачу сочинить" ("Другие берега"). Переведенные на язык шахматных фигур, словеса эти не вписываются в квадрат доски, место им разве что в закрытой наглухо коробке.

Мастерам и гроссмейстерам незачем в кабинетной тиши плодить задачи и этюды, они их часто создают за доской, во время ожесточенной спортивной борьбы — в этом и состоит извечная прелесть шахмат, их превосходство над условным, прикладным искусством композиции, вырванным из контекста сражения, когда уничтожены шахматные мизансцены, нюансы, страсти... Гроссмейстер, сочиняющий задачи, уподобляется тому поэту, который способен писать только акростихи, а в лучшем случае, пентакростихи. И все же именно Набокову принадлежит первенство в том, что им очерчен круг, им определена шкала "гамбургского счета" задач и этюдов — не как конфликтная ситуация между белыми и черными, а как интеллектуальное перетягивание каната между составителем и возможным разгадчиком.

В поэзии Набокова не найти дионисийского начала,

Муза его скорее аполлонического характера (это и сблизило его с Ходасевичем). И хотя знаем мы, что поэт стремился развить византийскую образность (об этом в предисловии к книге "Poems and Problems"), хорошо, что попытка не удалась ему. Хорошо это потому, что шахматные композиции Набокова, классической их структурой, почти адекватны его поэзии, а в композициях византийская аляповатость может превратить шахматный ансамбль в... раешник. В его стихах и задачах присутствует определенный что ли иконологический смысл, почти исчезает элемент случайности (не потому ли Набоков боялся играть с сильными шахматистами?). Шахматная романтическая школа была чужда ему, поэтому в его композиторском творчестве все мотивировано и обусловлено. При всем этом касался он иногда вещей невозможных (хотя отлично понимал, что окончательного решения тут быть не может), не чуждался он и блефа не только в поэзии, но даже и в шахматах.

Толковый словарь русского языка Ушакова определяет слово "блеф", как "выдумку с целью внушить другому преувеличенное представление о себе, пустить пыль в глаза, запугать..." Блеф и блефование почти лишены в шахматном процессе негативной окраски — это элемент борьбы, соломинка утопающего (именно в такой шахматной ипостаси употребляется здесь это слово, даже тогда, когда разговор ведется о поэзии.) Вспомним, как искусно блефовал Набоков, скрывшись за псевдоним Вас. Шишков и как тогда попался в поэтическую ловушку и был разгромлен такой лис, как Георгий Адамович. Не забудем и пушкинскую загадку, так и неразгаданную, — а что же на доске таил в себе ход Ленского ладьей?

В стихотворении "Рыцарь", написанном в 1919 году и включенном в книгу "Стихи" (Анн Арбор 1979), сталкиваемся мы с попыткой поэтического героя спастись:

Последнею пожертвовал я пешкой,
шепнул: "сдаюсь", и победитель мой
с какою-то знакомою усмешкой,
привстав, ко мне нагнулся над доской...

До голого короля шахматисты, как правило не играют. У героя же "Рыцаря" остался последний шанс: вдруг его противник возьмет "отравленного пехотинца" и это приведет к мату и спасению — блеф в этой несколько мистической схватке не прошел. На описании блефового ведения боя построен отточенный сонет Набокова "В ходах ладьи..." Попутно отметим, что лучшие шахматные стихотворения Набокова написаны сонетной строфикой, очевидно потому, что красивые партии по дебюту тот же сонетный тезис, по миттельшпилю — разгоревшийся конфликт, а эндшпиль, как и последний терцет, сонетный "замок", обобщение предыдущих стадий игрового процесса. Крайне жаль, что Набоков не включил эти стихотворения ни в один из своих сборников, даже в такой, как "Poems and problems", где для них явно есть место. Найти же сейчас эти сонеты крайне трудно: разбросаны они по колонкам берлинской газеты "Руль". Если у Пушкина ладья Ленского почти беспредметна, то у Набокова — она символ единства двух видов искусства — творений Каиссы и Мнемозины:

В ходах ладьи — ямбический размер,
в ходах слона — анапест. Полутанец,
полурасчет — вот шахматы. От пьяниц
в кофейне шум, от дыма воздух сер.

Там Филидор сражался и Дюсер.
Теперь сидит — бровастый, злой испанец
и гном в очках. Ложится странный глянец
на жилы рук, и взгляд — как у химер.

Вперед ладья пошла стопами ямба.
Потом опять — раздумье. "Карамбо,
Сдавайтесь же!" Но медлит тихий гном.
И вот толкнул ногтями цвета йода
Фигуру. Так! он жертвует слоном:
волшебный шах и мат в четыре хода.

Шахматы, как род человеческого мышления, не могут использоваться в поэзии произвольно, они — не сказка, хотя за две тысячи лет существования обросли множеством легенд. Шахматы в поэзии не "Алиса в Зазеркалье", а они, как сама поэзия, о которой покойный Алексис Раннит справедливо говорил: "Поэзия — это священная геометрия, и технически каждое стихотворение тождественно крестословице". Добавим — иногда подобно своеобразной крестословице — шахматам. В забытом стихотворении "Я не писал законного сонета" (газета "Руль" 1924 год) эту же мысль Набоков выразил блестящей поэтической "комбинацией", с изящным финалом:

Я не писал законного сонета
хоть в тополях не спали соловьи, —
но, трогая то пешки, то ладьи,
придумывал задачу до рассвета.
И заключил в узор ее ответа
всю нашу ночь, все возгласы твои,
и тень ветвей, и яркие струи
текучих звезд, и мастерство поэта.
Я думаю, испанец мой и гном,
и Филидор — в порядке кружевном
скупых фигур, играющих согласно, —
увидят все, — что льется лунный свет,
что я люблю восторженно и ясно,
что на доске составил я сонет.

Антиподы на земле не повенчать, как к этому ни

стремился Есенин, а вот соединить в едино, что и сделал Набоков, "на доске составив сонет", не суть важно какой, пусть и шахматный. Не всегда, однако, розами бывает устлан путь творца. Подтверждение тому находим мы в первом терцете забытого сонета Набокова "Движенье рифм и танцовщиц крылатых":

Звездообразны каверзы ферзя.
Дразнящая, узорная стезя
уводит мысль, — и снова ум во мраке.

От наваждения, от умственной горячки, от помутнения сознания спасает композитора, преследуемого навязчивой идеей черно-белых полей, лишь нервный, опустошающий сон:

Душа забвенью зря училась:
во сне задача решена.
Решенье чистое, простое,
(о чем я думал столько лет?)
Пожалуй, и вставать не стоит:
Ни тела, ни постели нет.
("Что за ночь с памятью случилось")

Психологи до сих пор не нашли точной дефиниции этой силы человеческого мышления, поэты же, подобно Набокову испытавшие шахматное прозрение во сне, воспевают этот феномен. Говорю я тут о Валерии Перелешине и его стихотворении "Блики сводят с ума" (это рабочее название было позднее заменено поэтом на более емкое — "Шахматы").

Список-перечень поэтов, оказавшихся в русской поэзии XX века решающее влияние на дальнейшее развитие шахматной темы откроется не именем Набокова. Мы должны довериться тончайшему камертону поэтического чутья Мандельштама, считавшего шедевром "Чимирисандо" Лозино-Лозинского — "Я в шахматы иг-

рал с одним евреем, странно напоминавшим мне рисунки древних Фив". Все же остальное, кроме чемпионских лавров, не в счет. В гипотетическом этом списке быть, однако, Набокову перед Пастернаком. Нобелевскому лауреату потребовалось более 40 лет, чтобы изменить свою шахматную позицию. Ведь писал он в начале века, в концовке "Марбурга" — "И тополь — король, королева — бессонница. И ферзь — соловей". И дело не в том, что поэт запутался в одной фигуре — в ферзе, а в том, что конфликтность шахматных стихов Набокова намного острее трех катренов "Марбурга". И все же...

Вернемся к злопыхательному стихотворению Набокова "Пастернак":

Его обороты, эпитеты, дикция,
стереоскопичность его —
все в нем выдает со стихом Бенедиктова
свое роковое родство.

Стихотворение рикошетом бьет по самому автору, который слишком поверхностно оценивает так называемую шахматно-поэтическую позицию. При поспешности, а последняя не всегда панацея даже в жесточайшем цейтноте, можно и самому сорваться на плоские эпитеты и "стереоскопичность". В "Других берегах" Набоков пишет: "И, как бы промеж этих наносных образов, бездонной зияла моя нежная любовь к отцу — гармония наших отношений, теннис, велосипедные прогулки, бабочки, шахматные задачи, Пушкин, Шекспир..." А вот концовка стихотворения "Вот это мы зовем луной", написанного в 1942 году:

В ложбине мрак остроугольный
ползет по белизне рябой.
У нас есть шахматы с собой,
Шекспир и Пушкин. С нас довольно.

От перемены мест слагаемых и в этом случае ничего не меняется, замена местами Пушкина с Шекспиром ни к чему не ведет.

Не нравятся Набокову обороты и эпитеты Пастернака, но как он ему подражает, или находится под его влиянием. У Пастернака в шахматной части "Марбурга" изысканная аллитерация — "И страсть, как свидетель седеет в углу..." Чуть позднее Набоков, подводя своего героя к доске, как бы дополняет эту пастернаковскую аллитерацию в стихотворении "Рыцарь": "Я не один: в углу — средневековый суровый страж, составленный из лат". 4:3 в пользу Набокова в этом аллитерационном "матче", место схватки за Пастернаком — "угол" страсти ведь его. Герой "Марбурга" партию жизни играет ночью — "Ведь ночи играть садятся в шахматы со мной..." То же самое и с противником набоковского рыцаря — "Я в замке. Ночь. Свод сумрачно-дубовый". Да и в финалах "партий" поэты повторяют друг друга. У Набокова — "Очнулся я... и на местах все 32 фигуры предо мной на шахматной доске". У Пастернака: "И ночь побеждает, фигуры сторонятся, я белое утро в лицо узнаю". И Набокову, и Пастернаку светили в шахматной метафорике все те же звезды, та же луна, сопутствовали те же тени, только Набоков прожил с ними всю жизнь, а Пастернак вернулся к ним в конце творческого пути, на флажке, как говорят шахматисты.

Из неразгаданных шахматных "сказок" Набокова самая важная — "Защита Лужина". Нам фактически известны две антишахматные книги; первая — автобиография Виктора Корчного "Антишахматы", вторая — набоковский роман. В конечном счете дело даже не в том, что нет в теории никакой "Защиты Лужина", как и нет "варианта Турати". Все намного сложнее — ведь Лужин не сильный шахматист, он не борец, а растерявшийся третьеразрядник. Жизненные ходы Лужина идут по горизонталям "быть или не быть" и когда, на-

конец, достигнут последний рубеж, линия превращения осязаема, пешка так никогда и не превращается в ферзя... Все катится вспять в бездну. Да и задачи Набокова построены в основном по этому же принципу: в них, как правило, несколько решений, мужественному пехотинцу так и не стать ферзем...

Для тех читателей, которые интересуются не только литературой, но и шахматами, я позволю себе привести здесь письмо В. Набокова, датированное 6–ым ноября 1972 года:

"Уважаемый господин Штейн!

С большим интересом я прочел ваши замечания о моих стихах и задачах. Благодарен вам за присылку вашей статьи. Я надеюсь, что в вашем экземпляре "Poems and Problems" имеется указатель замеченных опечаток, (я имею в виду диаграмму N. 11, стр. 192 американского издания книги). Будьте любезны, снабдите, пожалуйста, поле "Е 6" черной пешкой. С искренним уважением, Владимир Набоков."

У кого в личной библиотеке имеется экземпляр книги "Поэмс энд праблемс", поставьте, пожалуйста, злосчастную черную пешку на поле "Е 6". Поставили? Спасибо!

A Mr. D Przepiorka
with my best wishes
J.R. Capablanca
Warsaw May 9/936.

АВТОГРАФ КАПАБЛАНКИ

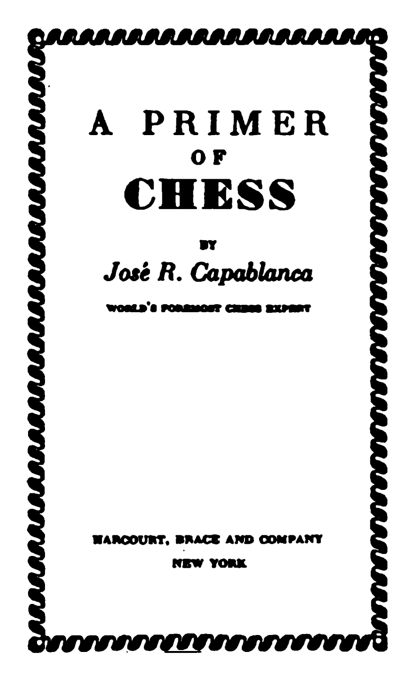
Размашистый почерк, уверенная рука. Надпись, сделанная на книге "Основы шахматной игры" гласит: "Господину Д. Пшепюрке с самыми наилучшими пожеланиями. Х.Р. Капабланка. Варшава. Май 9/1936". Чуть ниже, в правом углу, другая подпись — Ю. Картасинский (правда, без даты). Шахматно–человеческие меридианы свели весной 1936 года третьего чемпиона мира с двумя польскими шахматистами — Давидом Пшепюркой и Юзефом Картасинским.

Патриарх польских шахмат Давид Пшепюрка сделал очень много для развития древней культуры в древней славянской стране, почти все свое состояние отдал он на пропаганду шахмат в Польше. Сам он был одним из сильнейших мастеров и шахматных композиторов своего времени. Гитлеровцы сожгли еврея Пшепюрку и его близких в освенцимских печах... А Юзеф Картасинский? О нем чуть позже.

По пути в Советскую Россию, на III Московский международный турнир, Капабланка на несколько дней остановился в Варшаве, чтобы повидаться со своими польскими почитателями. Около полудня 9 мая в кафе "Свят", что некогда находилось на улице Смольной, в центре Варшавы, Капабланка встретился с Пшепюркой и молодым обещающим шахматистом Картасинским.

Потчевал именитого гостя владелец кафе — Давид Пшепюрка. Разговор шел о шахматах, об их истории, и о вечности вообще.

Весна тогда в Польше выдалась ранняя, радостная. И в какой-то момент дружеской беседы Капабланка воскликнул: "Какая благодать в Варшаве! В этом городе можно и умереть". Что это было — поза или мини-эпатаж? А может быть, он уже предчувствовал свою близкую смерть, не ведая, что настигнет она его в железобетонном Нью-Йорке (скончался он 8 марта 1942 года)? Как бы развивая эту грустную мысль, Капабланка добавил: "За такую голубизну неба и тишину порой не жалко и жизни; во всем этом есть что-то манящее и зловещее..." Пшепюрке все же удалось отвлечь гостя от невеселых раздумий. Он попросил кубинца подарить ему книгу "Основы шахматной игры", вышедшую незадолго до этого в Нью-Йорке то ли третьим, то ли уже четвертым изданием. Так книга шахматного виртуоза с его же дарственной надписью стала одним из украшений лучшей в Европе шахматной библиотеки Пшепюрки...

Приближалась осень 1939 года, старт VIII Олимпиады. В Буэнос-Айрес, в далекую от Варшавы Аргентину, польская сборная отправилась на средства своего наставника — Давида Пшепюрки, но без него самого: не-

своевременный грипп вынудил его остаться дома. Напутствуя команду, Пшепюрка обещал, что постарается все–таки, пусть к концу соревнований, прибыть в Аргентину. Свое обещание он собирался сдержать, но 1 сентября Гитлер напал на беззащитную Польшу.

Через пол года близкие Пшепюрки и он сам были уже за стенами гетто. Перед тем как "геттовый замок" окончательно защелкнулся, Пшепюрка, прекрасно сознавая безнадежность ситуации, сумел передать своему ученику, Юзефу Картасинскому, всю свою библиотеку. Мэтр польских шахмат просил сохранить ее, а в особенности книгу Капабланки.

Советский "Шахматный словарь" (Москва, 1964) утверждает, что Пшепюрка погиб в 1940 году. Это неверно. Более точен Г. Гломбек, который в своей "Encyclopedia of Chess" называет другую дату гибели мастера — 27 августа 1942 года. Картасинский же, который через связных Армии Краевой поддерживал с Пшепюркой постоянную связь до конца февраля 1942 года, считал, что погиб он в начале марта. Быть может, в то же самое время, когда от кровоизлияния в мозг неожиданно скончался Капабланка.

Юзефу Картасинскому не дано было развить свое шахматное дарование — в рядах Армии Краевой он сражался против поработителей. Но книгу Капабланки он постоянно носил с собой и, как оказалось, не зря — она–то и спасла ему жизнь. Когда немцы приступили к уничтожению последних очагов сопротивления Варшавского восстания (советские части в это время с другого берега Вислы созерцали, как горит польская столица), свои основные силы они бросили в район Старого города. Там в это время находился и Юзеф. Он был тяжело ранен и потерял сознание. Очнувшись, увидел, что над ним стоит эсэсовец и внимательно рассматривает книгу. Немец оказался шахматным фанатом,

почитателем Капабланки. Он не только даровал Юзефу жизнь, но и помог спастись...

Картасинский, став после войны профессором математики иногда возвращался к любимым шахматам. Ранения и пережитое, однако, все больше давали о себе знать, и в 1965 году ему стало совсем худо: врачи советовали... молиться! В апреле того же года умирающий Юзеф все же нашел в себе силы прийти на командный чемпионат Варшавы и установить приз за самую красивую партию — книгу Капабланки.

В том турнире играл и автор этих строк. В предпоследнем турнире я встречался с мастером Двожинским. Играя черными, я пожертвовал пешку, получил подавляющий перевес и любопытным маневром привел партию к победе. Справедливости ради отмечу, что в значительной мере моему успеху способствовала слабая игра соперника. Партия эта очень понравилась Юзефу, и в итоге мне был присужден его приз. С трудом я уговорил Картасинского не делать на книге больше никаких надписей, а оставить ее в таком виде, в каком она вырвалась из гетто и уцелела в разгромленной Варшаве. Юзеф еще раньше поведал мне в деталях историю этой, теперь уже моей, книги... Через три недели по зловещей иронии судьбы — 9 мая (в день встречи Капабланки с Пшепюркой и Картасинским) я бросил традиционную горсть земли в могилу моего друга Юзефа Картасинского.

Партия моя с Двожинским не совсем заслуженно обошла тогдашнюю польскую печать. О ней давно уже можно было позабыть, но... Через несколько лет ее извлекли на свет Божий и как "теоретически ценную" поместили в первом номере "Шахматного информатора", правда, приписали ее не Эммануилу Штейну, а... Леониду, который никогда в Польше не бывал.

Как-то "просуществовал" я до 1990 года, на шесть лет перевалив мистический оруэлловский срок. Давно

нет уже в живых ни Капабланки, ни Пшепюрки. Похоронил я и Юзефа. Найти следы Двожинского, как ни старался, не сумел. Страшно нелепо, в возрасте всего лишь 39 лет, в московской гостинице "Россия" умер Леонид Штейн (и не его партия, а моя попала по ошибке в книгу английского гроссмейстера Р. Кина "Леонид Штейн — мастер атаки"). Остались лишь Эммануил Штейн и теперь уже его талисман — автограф Капабланки, переживший человеческие судьбы...

“РОССИКА” АМЕРИКАНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ.

Штат Коннектикут по своей территории равен примерно Ивановской области, но по своему “нутру” он сегодня более русский, чем десятки советских областей и краев, вместе взятых. Тут и бесценные русские собрания Йельского университета, и — в Хартфордском музее — наиболее полное собрание костюмов из Дягилевских балетов. В частных же руках коннектикутцев русских сокровищ и того больше...

New York June 13th 1859

Dear Sir:

I gladly comply with your request and remain

Truly yours

Paul Morphy

Paul Morphy. Chess Player

В центре штата, в радиусе сорока миль, сосредоточены коллекции, которые могли бы украсить любой крупный советский музей. Томас Уитни, известный собиратель и филантроп, обладает богатой галереей картин художников– авангардистов, библиотекой редчайших русских первоизданий. Публицист Гаррисон Солсбери, автор книги об осажденном Ленинграде ("900 дней"), — владелец специализированной библиотеки "История России конца прошлого и начала этого вeка". У художника Льва Нуссберга — самое крупное собрание графики супрематистов, включающее в себя более ста рисунков Казимира Малевича. Автор этих строк собрал почти полторы тысячи сборников стихов поэтов русского изгнания, что значительно превышает фонды Ленинской библиотеки и других книгохранилищ СССР. Особое место в "россике" штата Коннектикут занимает коллекция Ханнона Рассела.

"Простой" этот американец, взращенный на бейсболе, местном футболе, от которого трещат кости, и прочих аборигенных прелестях, как это ни странно, нашел в своем сердце место для столь непопулярных в Америке шахмат. Сам Ханнон неоднократно выполнял мастерскую норму, но, что куда более удивительно, почти без остатка посвятил себя собирательству и сохранению шахматных реликвий: уникальных документов, бланков партий, писем, турнирных таблиц, автографов шахматистов, книг. Собрание Рассела вводит каждого, кому посчастливилось прикоснуться к этим сокровищам, в чарующий

610 W. 139th Str.
N.Y. City Dec. 1 40

Dear Dr. Buschke:
I mislaid the four addresses
(N.Y. Times Book department
was one of them) to which you
advised me to mail a copy
each of The Community of the
Future. Would you mind dropping
me a line reiterating them
in detail?
With kind regards
Sincerely
Em Lasker.

мир сплетений шахматной истории.

На сегодняшний день коллекция состоит из почти трех тысяч документов, довольно полно охватывающих два века шахматного мироздания. Свое "летоисчисление" она начинает с письма легендарного Филидора к жене, датированного 27 мая 1788 года. Уместно тут вспомнить о русском поэте Борисе Божневе, почитателе таланта Филидора, который в 1925 году в Париже потратил почти все свои деньги только на то, чтобы сделать некоторые обложки своей книги "Борьба за несуществование" из писем и нотных записей гениального шахматиста (и известного композитора!). И более веская статистика: в собрании Рассела 81 документ, подписанный самим Капабланкой, 37 документов подписаны "мистическим" Фишером и 32 — Алехиным. Коллекцию эту украшают 202 фотографии, старейшая из которых относится к 1857 году: это снимок Луи Паульсена, сделанный, очевидно, одним из самых гениальных проблемистов всех времен Сэмюэлем Лойдом.

Здесь представлены почти все бланки, тур за туром, нью-йоркского турнира 1924 года. Пикантная деталь: среди этих бланков есть запись партии Рети — Капаб-

The New York International Chess Master's Tournament 1924

ALAMAC HOTEL

71st Street and Broadway, New York

ланка, сделанная победителем — Рихардом Рети. Ну и что? — спросит скептик. А то, что этот бланк суперисторичен: ведь до этого проигрыша Капабланка слыл человеком-машиной и многие годы не ведал горечи поражений... Тут же хранятся записи всех партий, сыгранных на нью-йоркском турнире 1927 года.

Чего только нет в этом собрании: от открыток, написанных по-французски женой Алехина, до личных вещей некоторых чемпионов мира; исследователи венгерских шахмат найдут много ценного в письмах Гезы Мароци, а специалисты-чехи — в документах Рихарда Рети... Особый же интерес представляет "русская часть" этой ошеломляющей коллекции, хотя на русском языке в ней всего лишь один (!) документ — комментарий Михаила Ботвинника к его партии с израильским мастером Алони.

Александр Котов большую часть своей жизни посвятил алехиноведению. На смену его глубокому исследованию "Шахматное наследие А.А. Алехина" пришел отчаянно-серый роман "Белые и черные", который, по мановению Главлита, стал чуть ли не энциклопедией жизни и творчества русского кудесника. Сейчас, однако, нельзя серьезно заниматься изучением Алехина без учета собрания Рассела, иначе легко попасть впросак. Вспомним, что сразу же после войны чемпион мира подвергся остракизму за свое сотрудничество в военные годы с нацистами. Алехин все это отрицал, но некоторые его письма, находящиеся в собрании Рассела, говорят о том, что, например, в трагической судьбе Давида Пшепюрки он тоже частично виноват.

История современных шахмат изучена довольно неплохо, и все же до сих пор мы находимся в плену шаблонов и стериотипов. На многих языках периодически повторяются утверждения о том, что Алехин всеми правдами и неправдами избегал матча-реванша с Капабланкой. Благодаря документам, хранящимся у Рас-

села, этой расхожей выдумке нанесен сокрушительный удар. Оказывается, в течение нескольких лет Алехин с Капабланкой вели интенсивные переговоры по поводу матча-реванша. Велись они в тайне, при посредстве Норберта Ледерера, одного из организаторов шахматной жизни Америки в 20—30-х годах. Эти переговоры заслуживают отдельной книги, в которой элементы детектива налицо. Мое личное мнение после ознакомления с этой перепиской таково: мир не увидел еще одного поединка титанов в равной мере по вине и Алехина, и Капабланки. Уверен, что этот вопрос будет досконально изучен уже в самом ближайшем будущем, как и другой: Алехин и американские шахматы.

В коллекции Рассела видное место занимает переписка между Алехиным и Боголюбовым — двумя эмигрантами-изгоями, причем велась она почему-то не по-русски, а по-немецки... Кстати, когда говорят о матчевых успехах Алехина, вспоминают только его победы, но как-то забывают про его ничейные поединки. А ведь это именно Арон Нимцович в 1914 году свел вничью матч с Алехиным, а 19 лет спустя, в Париже с чемпионом мира сыграл вничью другой выходец из России — Осип Бернштейн. С письмами и открытками этих двух гроссмейстеров соседствуют автографы уроженца Ростова-на-Дону Савелия Тартаковера.

Собрание все время пополняется, хотя случаются у Рассела и "проколы". К примеру, никак не может найти он хотя бы один документ, связанный с Михаилом Чигориным или братьями Урусовыми. Автору этих строк коллекционер подарил несколько неизвестных фотографий Алехина, а совсем недавно — снимок, на котором запечатлен Леонид Штейн за партией с Давидом Бронштейном, добавив при этом, что такая фотография непременно должна принадлежать Эммануилу Штейну.

Что касается так называемой "советской шахматной школы", то ей в собрании Ханнона Рассела уделено

значительно меньше места и внимания, что скорее все-таки не минус, а плюс. "Россика" этой коллекции — предмет изучения целого научного коллектива, и это коротенькое ее описание — даже не "дебют" к ней, а просто констатация очень важного факта.

Неповторимое шахматное собрание, к сожалению, страдает двумя серьезными изъянами: каталог-описание выпущен всего лишь в нескольких экземплярах- это во-первых, Шахматная Федерация США не в состоянии на базе этой коллекции создать музей, и бесценные экспонаты вынуждены ютиться в сейфах различных банков. Удастся ли Ханнону Расселу повторить судьбу Гиршхорна, подарившего американскому народу свое собрание картин современных художников, регулярно экспонируемых ныне в Вашингтоне, в музее его же имени, — покажет только будущее.

ГРАЦИОЗНЫЕ ШАХМАТНЫЕ РИФМЫ.

Замечательный поэт русского зарубежья Странник, к сожалению, плохо знаком отечественному читателю, хотя в последнее время его стихи стали иногда появляться на страницах советских журналов. Постоянные же радиослушатели "Голоса Америки" хорошо помнят проповеди архиепископа Сан-Францисского отца Иоанна. Рано приняв постриг, Дмитрий Алексеевич Шаховской на всю жизнь, однако, остался верен своей музе, выпустив под псевдонимом Странник более десяти сборников стихотворений и книгу "Созерцания" под псевдонимом А. Иоанн.

Меня связывала с отцом Иоанном многолетняя переписка, а однажды довелось с ним и встретиться. Поэт был совершенно далек от шахмат, правда, он очень гордился своим знакомством с Александром Алехиным, которого, между прочим, одним из первых поздравил с завоеванием звания чемпиона мира. Пожалуй, это было единственное соприкосновение отца Иоанна с миром Каиссы, и вот...

Наша встреча состоялась 15 июня 1977 года в резиденции архиепископа и была завершена в одном ресторанчике неподалеку от Сан-Франциско. На прощание отец Иоанн сделал нам с женой воистину царский подарок: экспромтом сочинил "шахматное" стихотворение и отдал все права на него. Сбоку он приписал: "Эти

стихи, если хотите, могли бы быть названы "Обуздание шахмат".

Нам не дано осмыслить сопряженье
Стихов и шахмат. Может быть, оно
Какой-то анти-мыслию полно
Иль мистикой индийской введено,
Чтоб научиться перевоплощенью
Иль обуздать высокое волненье
Рассудочностию... Но песнопенья
Нам алгеброй проверить не дано.
Гармонию, как старое вино,
Не проверяют силой опьяненья...
Оставим ум поэтам. Вдохновенье
Гроссмейстеры похитили давно.

15.6.1977. Странник, Эм. и Оле Штейн.

Сейчас я готовлю к печати второе издание своего сборника "Мнемозина и Каисса" — первой в русской поэзии антологии стихотворений на шахматную тему, которая вышла в 1973 году в США. Стихотворение Странника займет в новом издании одно из главных мест.

О поэте Илье Никонове известно до обидного мало. По какому-то злому, что ли, сговору литературные критики зарубежья проглядели блистательного поэта. Недавно в США славистика Темира Пахмус выпустила (правда, на английском) интереснейшую работу — "Русская литература в Прибалтике между двумя мировыми войнами". Но и в ее книге не нашлось место для Никонова... Известно, что жил он и творил в Финляндии, а единственный его сборник "Путешествие на Джербу" увидел свет в 1939 году в Париже (книга эта — раритет из раритетов). Долгие годы поэт провел в психолечебнице. Похоронен он в Хельсинки на православном клад-

бище рядом с другими замечательными русскими поэтами — И. Савиным, В. Булич, В. Гарднером.

В сборнике "Путешествие на Джербу" Илья Никонов включил стихотворение "Шахматист".

Веленью Высшему во всем покорен,
Скрывая странный, тайный жар в крови,
Любимая, я будто бы Чигорин
Пред шахматной доской моей любви.
Привыкнув презирать укоры и насмешки,
Поверив в странную судьбу свою,
Передвигаю маленькие пешки
И белой королевой бью ладью.
Но мне мучительна моя неволя.
Живу я пленником, едва дыша,
В тенетах, в клетках шахматного поля,
Как ласточка запуталась душа.
Стремясь не верить в ужасе и гневе
Злой ревности, как черной злой туре,
Вот я Надежде, белой королеве,
Доверился, как ласковой сестре.
Поверив, может быть, случайной ласке,
Я увлечен любимою игрой,
А томный Дон-Жуан и лысый Ласкер
Внимательно склонились надо мной.

"Оставим ум поэтам", как учил Странник: пусть Ласкер будет "лысым", ведь в пастернаковском "Марбурге" королева и ферзь были разными фигурами. Стихотворение Никонова от такой "шахматной" ошибки, как мне кажется, только выигрывает.

В самом конце 1979 года я получил письмо из Буэнос-Айреса от Анатолия Бора, автора сборника стихов "Свет и сумрак". В письме — короткая записка: "Посылаю Вам фигурный раешник, посвященной знаменитой партии Алехина, которой следовало бы посвятить поэму. Подумайте, не может ли сей шахматный конь

найти место на страницах вашего журнала "Время и мы", адрес которого, к сожалению, не знаю. С совершеннейшим уважением А. Бор".

КОНЬ АЛЕХИНА
(из цикла фигурных стихов "Тут-издат" А.Бора)

Я
Конь.
Я черный конь!
Моим хозяином был Александр Алехин.
Нет в нашей сверхразнузданной эпохе
Того, чья так бы твердо правила ладонь,
Кто был бы мудрым, смелым, дальновидным.
[illegible] мне, лошади, ну прямо-таки стыдно
Зреть грязь интриг за шахматной доской!
Всегда какой-нибудь скандальчик шутовской.
От смеха можно ржать иль, как хозяин, ахать!
Дожили! В шахматах уже нет больше шахмат!
Нет ни стратегии, ни красоты атаки!
Беззубо мямлить так
младенец может всякий!
А я люблю — сражаться
так сражаться! Но партию
ходов на триста двадцать
пусть тянет награжденный
ломовик! Я ж конь атак: я к
лямке не привык!! Добротно я
подкован: я не хром! О резвость,
о жара самозабвенья! И факт: мной,
черным шахматным конем, Алехин с
блеском выиграл сраженье. У белых
был завидный перевес! Ладьи, куда ни
ткнись, мешали! Слоны тяжеловесно
угрожали!! И пешек целый лес!!!
Все это рухнуло от смелости
игры! Вот конница рванулась
на прорыв! Ну ж динамизм! Ну ж
сила и размах! Вздымалась пыль
столбом на шахматных полях!! Вся
сила белых испарилась вмиг! Да!
Это партия была!!! Болид!!!
Или блицкриг! Ладьи врага
бесследно исчезали... Слоны,
топчась, за мной не поспевали!
Шах королю! И, королю грозя, я сшиб
с доски могучего ферзя! Напор, блеск,
логика!!! Нельзя не удивиться: Алехин
как стратег сильней Клаузевица!! Спортсмен
с короною говаривал порой превознося меня:
"Коня!!! Коня!!! Полцарства — за коня!!!"

На все мои запросы в Аргентину ответа не последовало, и судьба поэта мне не известна, но его раешник сохранился в моем архиве. (Скорее всего стихотворение посвящено партии Боголюбов — Алехин, Гастингс, 1922. — **Ред.**)

Анатолий Гейнцельман большую часть своей жизни провел в Италии, там же были изданы все пять книг его стихов. В сборнике "Космические мелодии" (Неаполь, 1951) стихотворение "Степной пейзаж", написанное целиком в духе так называемой парижской ноты, "решается" шахматным ключом, шахматными метафорами...

Сверху облачный брокат.
Снизу черный, мокрый плат.
Пахнет сыростью могилы,
Пахнет молоком кобылы.

На распахнутом обмежке
Пахнет шапкой сыроежки.
Нет охоты плестись с плугом
За конем печальным цугом.
Веры нет ни в плуг, ни в семя,
Язвы лечит только время:
Прогребет под черной глыбой
Все измученное дыбой.
Сам я старый автомат
Меж шагающих шахмат.
Но мне дороги фигуры,
Как бы ни были понуры
Все они от страшных бед,
Как бы ни был сам я сед.
Я люблю твой мир, о Боже,
Как бы ни было похоже
Все в нем на кромешный ад.
Может быть, и райский сад
Лишь иллюзия поэта,
В сущности ж пустыня эта
Так пустынна с первых дней.

ШАХМАТНЫЙ МИР АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА.

Среди многочисленных фотографий Александра Исаевича Солженицына, опубликованных на Западе, нет ни одной, на которой Нобелевский лауреат был бы запечатлен играющим в шахматы. Возможно, такие снимки и существуют, но дальше семейного альбома они пока не пошли. Это, однако, не должно сдерживать наше желание осмыслить ту символическую функцию, которую несет королевская игра, когда она в том или ином контексте используется писателем. После анализа литературно-шахматных позиций, обретших свое бытие на страницах книг Солженицына, я ни в коем случае не намерен решать вопрос: а какова же сила игры писателя; моя задача — попытаться определить роль шахматных ассоциаций в его творчестве.

Шахматы и творчество Солженицына на первый взгляд кажутся антиподами. И разобраться в позициях, созданных писателем на литературной доске, трудно даже квалифицированному шахматисту, поэтому высказанные здесь мысли скорее из области предположений, наблюдений, догадок.

Современная русская литература по-своему осмысливает шахматные метафоры, наполняет их философско-мистическим, а зачастую и сатирическим

содержанием. Например, Лидия Чуковская в своей книги попадает в подмосковный дом творчества, она сразу же обращает внимание на такой лозунг: "Как неотъемлемый элемент социалистической культуры шахматы стали средством культурного воспитания колхозных масс". Александр Бек использует шахматную символику в "Новом назначении", чтобы подчеркнуть безысходность судьбы Онисимова. В эссе Н.Я. Мандельштам "Моцарт и Сальери" шахматные сравнения раскрывают отношение Осипа Мандельштама к статье Анны Ахматовой о пушкинском "Золотом петушке", точно так же, как у Аркадия Белинкова в книге "Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша" они показывают "цитатные приключения в "Сказке о трех толстяках". Не забудем о Владимире Набокове, который первым в русской, да пожалуй, и в мировой, литературе раскрыл динамику королевской игры, показал, что за простыми деревяшками скрывается неизведанный мир тончайших ассоциаций и чарующих иллюзий; и тот, кому покоряются шахматные октавы, попадает в сферу иных, нереальных измерений. Наша словесность использует сейчас широчайший спектр шахматных символов. Александр Солженицын в своем творчестве искусно продолжает и развивает эту традицию.

Известно, что зачастую те или иные литературные образы, находки, творческие решения витают, как говорится, в воздухе, причем на разных географических широтах. В 1968 году польский писатель Шиман Шехтер в автобиографической книге "Низверженные идолы", написанной совместно с Ниной Карсов, рассказал о том, как во время одного из многочисленных допросов он решил мысленно сыграть в шахматы со своим следователем. Партия эта, однако, не принесла бы ему успеха: результат поединка с палачом известен заранее. В чем-то сходная ситуация бала и у Солженицына в момент прохождения им горнила Архипелага, самой его отвра-

тительной части, когда его вербовали в стукачи. Вот как это было:

"Хоть бы знали они правила шахмат: три раза повторение ходов и фиксируется ничья. Но нет! На все ленивые, на это они не ленивые: сто раз однообразно шахует меня с одной и той же клетки, сто раз я прячусь за ту же самую пешку и опять высовываюсь из-за нее. Вкуса у него нет, времени сколько угодно. Я сам подставил себя под вечный шах, объявившись советским человеком. Конечно, каждый из ста раз есть какой-то оттенок, другое слово, другая интонация!"

Финал же этой партии писатель "анализирует" так:

"Псевдоним?.. Ах, кличку! Да-да, ведь осведомители имеют кличку! Боже мой, как я быстро скатился. Он таки меня переиграл. Фигуры сдвинуты, мат признан" ("Архипелаг ГУЛАГ", ч. 4-я).

Переосмысленные писателем правила игры — новая трактовка архипелаговского апокалипсиса.

Среди советских шахматистов бытуют иронические изречения. Например, о неинтересной партии говорят по-ленински — "Есть такая партия!" Когда какой-то вариант оказывается плох, то опять же по-ленински — "Мы пойдем другим путем". Думается, вскоре на смену этим избитым шаблонам придет солженицынский афоризм: "Я сам подставил себя под вечный шах, объявившись советским человеком". Обреченность, проявляющаяся в попытке спрятаться за слабую пешку, беспросветность жизненной позиции и как ее логическое завершение — признание жизненного мата воспринимаются сейчас, как мне кажется, намного острее, чем набоковское разбитое окно, точнее — лужинское самоубийство.

"Фигуры сдвинуты, мат признан" — мы можем бесконечно повторять это словесное олицетворение борьбы между силами добра, любви, справедливости, с одной стороны, и силами зла, лжи, горя — с другой. Какой

подтекст скрыл за этим символом Солженицын — не знаю, но мною символ этот воспринимается только оптимистически, опять–таки благодаря аналогии. В рассказе Николая Аржака (Ю. Даниеля) "Искупление" Зло играет в шахматы с Добром и, как правило, побеждает. Постоянное же моральное превосходство Добра у Солженицына помогает верить в торжество белого, светлого над черным и сатанинским. Ошеломленный на мгновение зэк Солженицын в ретроспективе времени намного сильнее своих "ленивых" инквизиторов.

Шахматы нередкий гость на страницах произведений Солженицына.

"Еще в камере стол. На нем, на самом видном месте — чайник, шахматы, стопочка книг... Какая же уютная жизнь! — шахматы, книги, пружинные кровати, добротные матрасы, чистое белье". ("Архипелаг ГУЛАГ", ч. 1–я).

Заметьте, шахматы в этом перечне тюремной роскоши стоят на первом месте.

Неисчерпаемое образное богатство шахмат Солженицын использует для точных и лаконичных определений–характеристик. Так, в том же "Архипелаге" (ч. 1–я) о позорной финской кампании он говорит:

"С карельскими дорогами Френкель все–таки не успел: Сталин поспешил свернуть войну вничью".

Правда, Сталин сделал эту ничью, как говорится, с лишней пешкой — в виде захваченных финских земель.

Стукач–писатель Дьяков, пытаясь оправдать свое лагерное предательство, использовал для этого шахматную терминологию ("Знамя" № 3, 1963). Та же шахматная лексика под пером Солженицына обретает убийственную силу — силу приговора:

"Да, Дьяков еще не просто придурок воинственный: в первом варианте своей повести, пока его публично не пристыдили, он с изяществом обосновал, почему умный человек должен избежать грубой народной участии

("шахматная комбинация", "рокировка", то есть вместо себя подставить под бой другого). И этот человек берется теперь стать главным истолкователем лагерной жизни!" ("Архипелаг ГУЛАГ", ч. 3–я).

Известно изречение Льва Толстого: "Самоубийца похож на шахматного игрока, партия которого стоит плохо и который вместо того, чтобы играть с удвоенным вниманием, предпочитает сдать ее, смешав фигуры". В солженицынских мемуарах "Бодался теленок с дубом" позиция "теленка" еще до начала его партии с "дубом" стояла на проигрыш. И все же "теленок" блестяще использовал дебютные неточности "желудей", их догматический подход к игре. В главе "Петля пополам" Солженицын показывает, как он реализует малейшие игровые шансы, как умеет сводить на ничью проигранные позиции:

"Я встаю и выхватываю следующие листы. И уже все более свободно и все более расширительно, сам определяя границы боя, уже не столько на их вопросы, сколько по своему плану, я гоню и гоню их по всему бородинскому полю до самых дальних флешей. И — тишина, растерянность, неопределенность наступают в пространстве".

И вопрос писателя: "Что такое? Да не есть ли это победа?"

В описании этого боя со всеми михалковыми, федиными и К° нет ни одного конкретного шахматного образа, но они подразумеваются самим ритмом повествования... Ощущение накала борьбы по всей доске настолько велико, что для его восприятия совсем не обязательно быть посвященным во все тайны древней игры. Испокон веков человеческий ум, покоренный игровым сплетением знаков–символов, считал, что схватка Белого с Черным на настоящем поле брани может быть воспроизведена в миниатюре — на черно–белых клетках шахматной доски.

Нельзя тут не упомянуть об одном из шедевров русского шахматного искусства — изобразительной задаче родоначальника отечественных шахмат Александра Петрова "Бегство Наполеона из Москвы из Москвы в Париж". В этой задаче черный король символизировал Наполеона, белые кони — русскую кавалерию, поле a1 — Москву, а диагональ a8–h1 — реку Березину. Причем, на a8 черному королю мог быть поставлен мат, хотя по авторскому замыслу он получает мат на h8 — в Париже. Этим "зевком" Петров показал, что на Березине Наполеон мог быть захвачен в плен.

Описывая свой бой с парторгами литературы, Солженицын перевел шахматные знаки Петрова на язык изящной словесности, показав всю сложность и коварность далеко не шахматной задачи, стоящей перед ним. Автор заключает:

"Поле боя — за ними. Они не уступили нигде, нисколько. Но чья победа?"

Если Солженицын сумел заблокировать позицию на такой доске, то ничья с тоталитаризмом приобретает реальные очертания торжества...

Применяя свод шахматных правил и знаков в реальной жизни, писатель часто заставлял власть отступать. Читатель, быть может, помнит то место в "Теленке", когда в квартиру Вероники Штейн–Туркиной нагрянули майор–таможенник и лейтенант–гэбист. С ними Солженицыну пришлось вести трудный разговор. Писатель знал, что один неосторожный ход может дать его врагам большое преимущество:

"Пауза, в обоюдном сокрушении. Я ведь ничего не знаю, ни о Страде (итальянце, задержанном с письмом Солженицына на таможне. — **Ред.**), ни о ком, нельзя сделать ошибочного движения, фигуру тронешь — ходи".

Но наступают такие моменты, когда все происходит

"на флажке", то есть возникающие проблемы надо решать молниеносно:

"И впились в меня четыре глаза! Да зрячий и я: почерк на конверте мой, и даже обратный адрес рязанский, еще и лучше — значит не прятался. Но теперь надо быстро хватать фигуру, а то опять неестественно будет..."

Автор перехватил инициативу, "схватил и переставил фигуру" — и поле боя осталось за ним.

По словам Солженицына, той же тактикой неожиданно шахматного хода воспользовался в борьбе с аппаратом и Мстислав Ростропович:

"В марте я уже отправил рукописи в Париж ("Август Четырнадцатого"), Обещали за три месяца набрать. Тут Ростропович, в духе своих блестящих шахматных ходов, предложил все-таки послать и в советское издательство..."

Здесь шахматные эмоции завели Солженицына, однако, слишком далеко. Все прекрасно знают, что в СССР были только два известных музыканта, прилично игравших в шахматы, — Сергей Прокофьев и Давид Ойстрах. А Слава Ростропович? В 1980 году в далеком Буэнос-Айресе он мне признался, что играл в турнире лишь однажды: в одиннадцатилетнем возрасте принял участие в чемпионате... подъезда среди девочек и занял третье место. О каких "блестящих шахматных ходах" тут можно говорить? Правда, великому музыканту я обязан и впрямь блестящим заголовком одной моей статьи о матче Корчного с Полугаевским — "По черным клавишам"...

Наша литература до последнего времени как-то обходила молчанием младшую сестру шахмат — шашки. Пробел этот понемногу начал восполняться. Андрей Синявский в "Голосе из хора" объясняет, почему зэки увлекались старинной игрой. А в "Теленке" шашки становятся инструментом тонкой иронии и издевки. Ре-

акция эксперта Хрущева по культуре Лебедева на роман "В круге первом" бала лаконичной:

"Разве наши министерства работали ночами? Да еще так — в шашки играют".

В сноске Солженицын пишет:

"Совсем недавно мне сказали, что Лебедев был — чекистом... По расчету времени — при Сталине. Тогда, конечно, не в шашки они играли".

Почему же Солженицын воспользовался все-таки шашками, а не шахматами, игрой куда более популярной в Союзе? Ответить можно лишь гипотезой, что подмена игр не случайна, а имеет принципиальное значение. Известно, что средний уровень игры советских любителей шахмат довольно высок. Руководство же страны всегда отличалось (о нынешнем не говорю) исключительной шахматной тупостью, за вычетом разве что наркома юстиции Крыленко.

Один югославский гроссмейстер поведал мне забавную историю, о которой я уже как-то рассказывал в "Континенте". В пропагандной борьбе, которую вело с югославскими "отщепенцами" сталинское руководство, не последнее место занимала шахматная страсть Тито. Внешне всегда невозмутимый маршал, кандидат в мастера по шахматам, довольно болезненно воспринял одну из передач советского радио на Югославию, в которой утверждалось: "палач" братских славянских народов ничегошеньки не смыслит в игре мудрых. Ответный ход последовал незамедлительно: белградский диктор вызвал московских коллег на сеанс одновременной игры, причем всем участникам он готов был дать фору в коня и денежное вознаграждение в конвертируемых единицах. Вызов этот пришлось замолчать: даже в шашках тогдашний президиум выше пятой категории не тянул...

Модный в середине 70-х "диалог" (точнее — конфликт) двух систем был образно представлен Солженицыным в знаменитой речи, произнесенной 9 июля 1975

года в нью-йоркском отеле "Американа". Нобелевский лауреат тогда заявил:

"Это все напоминает, если пользоваться шахматным сравнением, вот такую ситуацию. Сидит за партией игрок, который чрезвычайно высокого мнения о себе и невысокого мнения о противнике. Он считает, что, конечно, превосходит противника, что он такой тонкий, такой расчетливый, такой изобретательный. Ну конечно он его обыграет. Он сидит, он рассчитывает свои комбинации. Вот двумя конями он делает четыре вилки. Он ждет не дождется следующих ходов. Он ерзает на стуле от радости. Он снимает очки, надевает их снова. Он не допускает, что противник умнее его. Он не видит, что у него летят пешки. И ладья его под ударом. Ему все кажется: ага, так-так, так-так, мы Москву, Пекин, Пхеньян, Ханой, мы их перессорим. Да смешно! Кто их перессорит? А пока что: в Западном Берлине вас переиграли. В Португалии исключительно тонко переиграли. На Ближнем Востоке переигрывают. Не надо быть такого низкого мнения о своем противнике".

Перед нами блестящий анализ политической "позиции", отточенная метафоричность и образность, мастерский комментарий к каждому ходу Черной силы против правопорядка Добра. Это один из лучших "шахматных" этюдов в публицистике, однако в свою речь Солженицын не должен был его включать: наберусь смелости утверждать, что подавляющее большинство американских слушателей, а может быть и все, не поняли метафорического ключа к теме.

Дело в том, что шахматная культура Америки практически равна нулю — фишеровский феномен не в счет, это обыкновенное исключение из правила. Общее число американской шахматной федерации не превышает двадцати тысяч — и это на всю великую страну! Остальная же Америка крайне далека от шахматных ассоциаций, ей ближе и понятнее образы гольфовые,

баскетбольные или бейсбольные... Как правило, когда американец слышит слово "шахматы", он или спрашивает, что это такое, или просит показать, как пишется это слово.

Что же произошло во время выступления Солженицына? Возникло "сквозное действие" театра абсурда: зал рукоплескал в тот момент, когда были все основания для... слез!

"Но даже если бы этот шахматист мог бы выиграть партию на доске, он забывает, увлеченный игрой, поднять глаза и посмотреть, что у его противника глаза убийцы. И если у противника партия не удается, у него за спиной дубина, и он раскроит и голову этому шахматисту, и эту партию. (Аплодисменты.) Этот расчетливый шахматист забывает поднять глаза, посмотреть и на барометр. Барометр упал. Он не видит, что уже нет света из окна, что идут тучи и надвигается ураган. Вот что значит слишком поверить в свои способности на шахматной доске."

Зал не обладал минимальной шахматной культурой, чтобы осознать весь трагизм положения, представленного Солженицыным. Зал в сущности, приветствовал убийцу...

Солженицын писал: "Чтоб немножко выглядеть покрепче, я выбираю такой месяц, когда выдвинут на ленинскую премию, и вот передвигаюсь как пешка со значением: может еще и в ладьи выйдет". Время внесло коррективы в слова писателя. Пройдя шесть горизонталей жизненной доски, он дошел-таки до поля превращения, но стал не ладьей, как ему когда-то думалось, а ферзем. Тем самым дав нам всем надежду: силы мрака могут быть сокрушены.

ШАХМАТНЫЙ КРУЖОК ИМЕНИ П.П. ПОТЕМКИНА.

Талантливый "сатириконец" Петр Петрович Потемкин, умерший в изгнании в конце 1926 года, отмечен не только в анналах зарубежной русской литературы — небольшую статью посвятила ему и "Краткая литературная энциклопедия". А вот шахматная Россия обходит это имя почти полным молчанием. Правда, в энциклопедическом словаре "Шахматы" поэт упомянут, но мельком: один раз как автор басни "Пешка, король и ферзь", а вторично как партнер Алехина по партии вслепую. И это все.

Между тем именно П.П. Потемкин предложил ФИДЕ лозунг — "Gens una sumus". Это он, вместе с другим русским эмигрантом, своим другом Виктором Каном, способствовал созданию этой международной организации, был одним из инициаторов проведения в Париже с 12 по 20 июля 1924 года первой неофициальной шахматной Олимпиады. В этом предвестнике "турнира наций" Потемкин защищал спортивную честь России, набрав в главном турнире три очка...

Сразу же после его смерти шахматная секция "Русского клуба" Парижа была переименована в кружок имени Потемкина. Этот кружок играл ведущую роль в шахматной жизни Франции вплоть до начала второй мировой войны. Долгие годы им руководил Е. Зноско-

Боровский, а почетным председателем был Г. Пайчадзе. Среди почетных членов кружка были и А. Алехин, и С. Тартаковер, и В. Кан, которому, кстати, удалось завоевать звание чемпиона Франции (и это имя почему-то предано забвению!). За команду клуба-кружка в разные годы выступали Н. Россолимо и чемпион Парижа Вл. Матвеев (и этот русский мастер по злой иронии судьбы вычеркнут из шахматной памяти).

В 1938 году членам кружка удалось даже организовать международный турнир с участием легендарного Капабланки. Соревнование это, проходившее в два круга, закончилось убедительной победой кубинца, но и Россолимо, и Зноско-Боровский сумели свести с ним по партии вничью.

Все еще неизвестный в России поэт Марк Иловайский был потомком атамана Войска Донского Алексея Иловайского. Годы изгнания он провел в Париже, где и скончался 20 мая 1977 года. Его творчество, характеризующееся тематическим богатством, разнообразием форм стихосложения, к сожалению, еще не изучено. В феврале 1934 года он написал "шахматное" стихотворение и посвятил его своим друзьям-шахматистам.

Русскому шахматному кружку г. Парижа, носящему имя поэта-эмигранта Потемкина

В квадраты шахматной доски
Вложив полет моей фантазии,
Внезапные и дерзкие мечты
Пьянят меня в своем искании.

И мнится — оживают короли,
Сплетаются узоры комбинаций,
А белые и черные ферзи —
Дороже мне, чем судьбы наций.

Я все познал без страсти, без горенья,
Без творческой, сжигающей мечты.
И вдруг, как Бога снисхожденье, —
Часы игры у шахматной доски...

СДАЧА И ГИБЕЛЬ ШАХМАТНОГО ЧЕМПИОНА

> Бедный и грешный, испуганный, сдавшийся художник умирал, улыбаясь, все понимая, не понимая...
>
> *Аркадий Белинков*

Титаны шахмат — Капабланка и Алехин встретили свой смертный час за доской, восьмой чемпион мира Михаил Таль умирал в голодной Москве, на больничной койке, возможно, под скальпелем хирурга. Неизвестна нам последняя позиция, созданная великим кудесником, не дано нам насладиться финальной комбинацией последнего романтика...

Непревзойденный чародей шахматной эвфонии Михаил Таль, если бы мог, остановил всех тех, кто сейчас настойчиво возводит ему памятники. Не потому, что мы сейчас низвергли идолов и монументы, а потому, что ему воистину было наплевать "на бронзы многопудье", потому что он прекрасно знал: второму Талю уже не возродиться — возможность эта была унесена ветром; умница–гроссмейстер всем своим существом чувствовал — после сдачи эполеты генералиссимуса к мундиру не пришить... Чемпион был прост и очень не любил всяческие эвфемизмы.

У Михаила Таля было все или почти все: филигран-

ная техника, магическое видение 64–х полей, оригинальнейшие дебютные системы и идеи, компьютерный счет–пересчет, а все это вместе как–то расползалось, исчезало в дуршлаге жизни. Гениальный шахматист, блистательный рассказчик, одаренный литератор Михаил Таль, был лишен определенного жизненного стержня — вне шахмат он был немощен. Владимир Высоцкий, введя его в одну из своих песен, ошибся — Михаил Таль не был эталоном ни силы, ни тем паче — мужества.

Жить гениальному Талю было очень и очень трудно: чемпионские регалии за давностью лет поблекли, триумфальная арка его победы 1960 года рухнула, а бесконечная стойка в безнадежной партии с носорожьим племенем поглощала остатки тающих сил. Михаил Таль мог ошибиться в комбинации, но просчетов с работниками Спорткомитета он не допускал. Не так давно нынешний чемпион мира по шахматам Гари Каспаров заявил, что за доской может одолеть каждого, нот вот победить Кампоманеса даже ему не под силу. Точно так же и Михаил Таль: руководя белым или черным цветом, он мог сокрушить любого, но пасовал с тяжельниковыми, севостьяновыми, сталинскими прокурорами батуринскими, безликими крогиусами и панченками. Они–таки его переиграли.

Шахматное наследие Михаила Таля блистательно. Были в его партиях и удивительные прорывы в центре и фланговые обходы, жертвы на "f7" и на "f2", неразгаданные соперниками ловушки, "штурм и натиск". Но все это только часть Таля, пусть и очень значимая. Пишут же сейчас о Тале–шахматисте, будто бы и не было Таля–человека.

Я все еще слышу похвальбу поддавшего гомосоветикуса, вылепленного Высоцким: "Мы сыграли с Талем десять партий — в преферанс, очко и на бильярде. Таль сказал: "Такой не подведет!" Не сыграл я с Талем ни

одной партии, ни одной рюмки ему не поднес и ни капли с ним не выпил, но провел с ним десятки часов, большей частью тет–а–тет. Шахматы в наших долгих беседах были лишь символом, иногда ключом к разгадке жизненных сплетений.

В благодатном, еще хрущевском 1964 году Михаил Таль приехал в Варшаву, где я в то время жил, — он должен был выступить перед польскими болельщиками с двумя лекциями и несколькими сеансами одновременной игры. Распорядок дней был спланирован исключительно оперативно, так что у нас для личного общения времени было предостаточно. Правда, один сбой в нашем общении все же произошел — на сей раз... подвели шахматы. Наш общий друг, оригинал из оригиналов, Леон Томашевич завел, как говорится, Михаила с полоборота. Оказалось, что в те времена на рынке Старого города в ресторане для толстосумов "Крокодил" играл блиц на крупные ставки международный мастер граф Казимир Плятер. Этого сноба недолюбливали многие польские шахматисты. К последним принадлежал и Леон Томашевич. В его–то головушке и родился план — выдать Мишу за простого советского любителя, поднять ставки и проучить зазнавшегося графа. Миша, как ребенок, ухватился за эту идею. Все мои усилия отговорить друзей от глупейшего ребячества ни к чему не привели. Таль не переставал повторять: "Никогда в жизни не играл с графом! Мама, хочу к графу!". Последний мой, казалось, веский, аргумент был парирован Томашевичем. "В Михаиле Тале Плятер никогда не узнает чемпиона мира: во всем мире он видит только себя", — отрубил Леон. Пришлось и мне пойти в "Крокодил" и наблюдать за этим "цирком".

По дороге в ресторан Леон наставлял чемпиона мира: как он должен проиграть первые две партии, как бороться за ничью в следующих трех и как только потом разгромить соперника. К сожалению, Леон Томашевич

во всем оказался прав: по его сценарию Миша Таль поставил прекрасный спектакль. Я было пробовал через некоторое время вмешать в это шахматное избиение, но был резко одернут "воюющими" сторонами. Три тысячи злотых (по тем временам сумма весьма и весьма значительная) из кармана графа перешли к Мише, а на следующий день по телевидению Казимир Плятер наблюдал за сеансом одновременной игры восьмого чемпиона мира...

Поздними вечерами кружили мы с Талем по разрушенным улочкам Варшавского гетто. Его интересовали мельчайшие детали героической борьбы горстки отважных. Казалось, он стремился в уме воссоздать всю сложную систему неравной схватки. Почему-то Таля постоянно тянуло на улицу Милая 19, к месту, где находилось последнее пристанище героя Анилевича и его сподвижников. Даже памятник восставшему Варшавскому гетто, к которому он несколько раз приносил цветы, не произвел на него такого впечатления, как место самоубийства Анилевича — руководитель борьбы с нацистами покончил с собой, чтобы не попасть в руки врага живым... Здесь же, на месте бывшего "Умшлагплац", откуда евреев вывозили в концлагерь, я начал Талю рассказывать об Освенциме, чудовищном музее, в котором мне довелось работать гидом и в котором погибла почти вся моя семья.

Тогда же мне удалось познакомить двух гениев мирового искусства, двух антиподов, но сразу же установивших между собою только им понятное какое-то почти мистическое единство. Привел я тогда Таля в еврейский театр. Давали пьесу Элизы Ожешко "Меир Эзофович", на сцене безраздельно царствовала непревзойденная Ида Каминская. После спектакля мы прошли к великой актрисе за кулисы. Уже через несколько минут после знакомства они вели задушевный разговор и казалось, что они знают друг друга многие годы. На

прощание Ида обняла Мишу со словами: "Майн кинд, зай гезунд!". Свидетельствую: обращением "майн кинд" гениальная актриса пользовалась редко, только в минуты особого к человеку расположения.

Эмиграция, казалось, навсегда разъединила меня с Талем — разные измерения, разные жизни и судьбы. Следующая наша встреча произошла через шестнадцать лет на Мальте, во время очередной Всемирной шахматной олимпиады и Конгресса ФИДЕ, на котором я представлял интересы невозвращенца Виктора Корчного. Правда, за эти долгие шестнадцать лет произошли события, изуродовавшие жизнь советских шахматистов.

Не забудем, что "кавказский горец" испытывал к шахматам необъяснимый пиетет. Даже в самые страшные годы кровавого террора пострадало очень мало известных шахматистов, а Керес, например, вообще был прощен после войны. При великом гуманисте и писателе Леониде Брежневе советским шахматистам стало жить еще лучше, но, увы, не веселее.

Но когда в 1976 году Виктор Корчной стал невозвращенцем, номенклатура, науськанная сверху, легко раздавила советских гроссмейстеров. Их заставили (вовсе не под дулом пистолета) состряпать и подписать гнусненький пасквиль, бичевавший отступника Корчного. Тридцать с лишним подписей стояли под тем "эпохальным" документом. Среди сдавшихся был и Михаил Таль. В этом единоборстве с самим дьяволом нравственные параметры все же сохранили: Михаил Ботвинник, Борис Гулько, Давид Бронштейн и Борис Спасский. Правда, последний был вне досягаемости советской чиновничей рати, успел "выпорхнуть" во Францию.

Первая же сдача Таля повлекла за собой последующие. Без сопротивления он позволил впрячь себя в тренерскую колесницу Карпова, "не понимая, понимая", что уступка черни — это начало конца. Беда в том, что

Талю очень хотелось быть в преуспевающей команде, быть выездным...

Не подумал гений, что ему не место за общим столом с кодлой, где предводительствует даже Анатолий Карпов, — ведь в плане концепций и новых идей чемпион мира из Златоуста был мертворожденным, и, естественно, общение с ним к добру не вело. Сальери–Карпов убил–таки Моцарта–Таля, выжав его, как алкаш опоражнивает бутылку до последней капли; агония Таля растянулась на пятнадцать лет...

Много пишется о сходстве двух чемпионов мира — Александра Алехина и Михаила Таля. И впрямь, шахматных титанов сближало очень многое — тут и комбинационные фейерверки, небывалая интуиция, шахматная страсть и влечение к зеленому и другим змиям и... пренебрежение принципами. Была у Таля любовь к двум женщинам — шахматной дриаде Каиссе и к певичке Сали Ландау, вот только любви к себе не было, иначе не пошел бы он в холуи к всесильному Карпову, сумел бы вырвать из своего сердца ядовитую червоточину.

Когда в ноябре 1980 года на Мальте разыгрывался Кубок Наций по шахматам, в Москве держали голодовку протеста отказники, шахматисты–супруги Гулько и Ахшарумова. На пленарном заседании АЙПИ — международной федерации журналистов, пишущих на шахматные темы — вдруг появился Михаил Таль в окружении целой своры гебистов всех мастей и рангов. Стерпеть такое я был не в силах и обрушился на экс–чемпиона с разгромной речью. Советчики не проронили ни слова — работали лишь их магнитофоны. В то время "выход на меня" разрешен был лишь Карпову и Севостьянову. Миша Таль панически боялся даже моего взгляда. Вконец раздосадованный этой кафкианской ситуацией я попросил гроссмейстера Шамковича подойти к Талю и передать, что ему, шахматному богу, так себя

вести не пристало, что я все понимаю, но он же — Михаил Таль!

Громаднейший рыцарский зал Валлетты, столицы Мальты, кишел гебистами, каждый шаг "врагов" просматривался ими. Невозвращенец Лев Альбурт и я удостоились особого внимания со стороны советских охранительных органов. В этом сплетении взглядов, улыбок и жестов я заметил вдруг подмигивание Таля. Я последовал за ним, сохраняя все же значительную дистанцию. Великий шахматист завел меня в... туалет. Здесь, за перегородкой, и состоялся мужской разговор.

Миша словесными очередями выстрелил: "Не бей меня, я лежачий! Я ничем не могу помочь Гулько, поверь мне. Все же ты зря о нем печешься. Как только его поманят, он тут же побежит на любой турнир. Это вы на Западе думаете, что он герой, а это чистейшей воды показуха. Перед тобой лично я виноват, но не суди меня и не судим будешь!"

Закончив свой монолог библейской максимой, Таль пулей вылетел из кабины, я же продолжал стоять в оцепенении от услышанного и от абсурдного "сквозного действия" — шума спущенной воды...

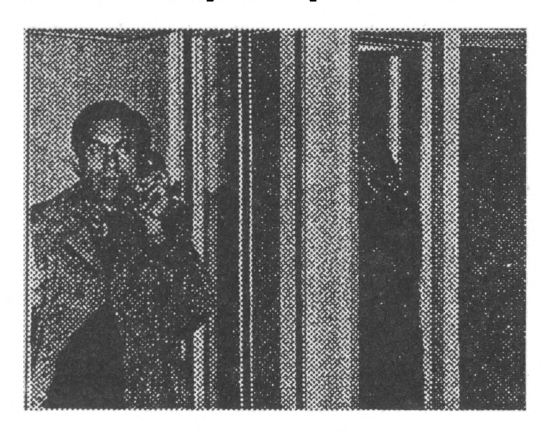
Почти через год после мальтийского скандала я вновь увидел Таля, на сей раз в тирольском городке Мерано на матче Карпов — Корчной. Мы вновь оказались, как говорилось когда-то, по разные стороны баррикад — Таль был тренером Карпова, я — пресс-атташе Корчного. Снова обстоятельства руководили художником, уничтожив его окончательно.

Югославскому фоторепортеру Ратко случайно удался замечательный снимок: на нем запечатлены два бывших друга, разделенные телефонной перегородкой — я разговаривал тогда с замечательным парапсихологом Хохловым, Таль же передавал свой репортаж в Москву. (Позднее Виктор Корчной показал мне, какие "ляпы" были в комментариях Таля; ошибки были сознатель-

ные — все делалось в угоду начальству.) Под сильным давлением советской стороны Ратко побоялся опубликовать этот снимок, который он назвал: "Они умеют разговаривать только так". Его тут же одернул один из самых беспринципных прихлебателей номенклатуры, гроссмейстер Лев Полугаевский: "Название снимка плохое. Лучше так — "Враг не дремлет!"

На самом же деле не дремали враги Таля, укорачивая и без того коротенький остаток его жизни. Смысл шахматного бытия он постиг до самых глубин, но "поверхность" игры уступил администраторам, системе, создавшей страну, которая еще недавно называлась СССР. Выездным, по карповскому повелению, он стал, но поведать о своей боли ему было практически некому. Он медленно умирал — не стоя, как деревья, а сгорбленным...

Судьба свела меня с Талем еще трижды. Первый раз в Монпелье, на турнире претендентов, где были искренние с его стороны извинения, извинения и еще раз извинения: пришла перестройка. Затем в Канаде, где я точно предсказал: Каисса улыбнется ему еще раз. Предвидение сбылось — Михаил Таль вновь стал чемпионом мира, чемпионом планеты по блицу. Далеко позади остались Каспаров, Карпов и многие именитые. Когда я подошел, чтобы поздравить его с громадным успехом, он, отведя меня в сторону, почти на ухо вопросил: "Канадское виски!

Они могут разговаривать только так... (Э. Штейн и М. Таль в Мерано, фото К. Ратко)

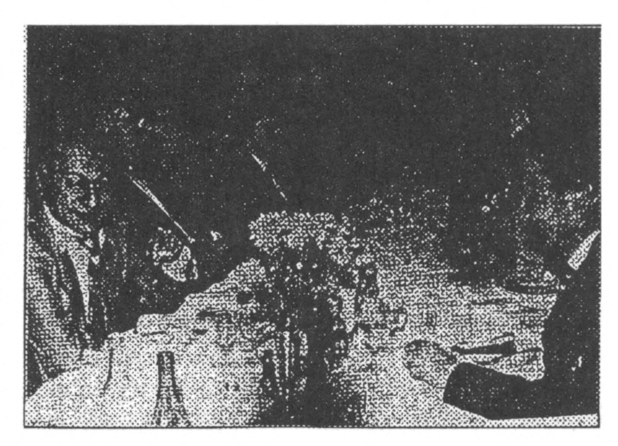
Пойдем пить, пойдем!" Я и на сей раз отказал чемпиону, потому что, по–моему, он никогда не играл, а всегда творил.

Михаил Таль умер относительно молодым, пережив свое время, — романтику не было место в прагматическом болоте. Серые, начав свою партию, довели ее до победы — гибель Таля подтверждение их торжества.

Эпоха Таля что–то обещала — быть может, цветение пленительных васельков и море золотой пшеницы; застойные времена покрыли эту надежду густой порослью чертополоха.

На американскую часть матча 1990 года Каспаров — Карпов в Нью–Йорке прилетел и Миша Таль. В пресс–центре соревнования я отвел его в сторону и признался, что тогда, на Мальте, кое в чем он, к сожалению, был прав. Относительно недавно Борис Гулько принял участие в Испании в одном международном шахматном турнире, который судил его бывший гонитель, полковник–гебист Виктор Батуринский. Целый ряд шахматистов в знак протеста против судейства покинули турнир, а Борис Гулько остался. Оказалось, Таль своего коллегу знал намного лучше меня.

К лифту Михаила Таля мы проводили вместе с гроссмейстером Шамковичем. Ему не

Застолье у "пахана" Карпова. (Слева–М.Таль, далее – сталинский прокурор В. Батуринский, А.Карпов, гроссмейстер И.Зайцев. Напротив М.Таля — парапсихолг Кабанов.)

о чем было с нами разговаривать, взгляд блуждал, не в состоянии сконцентрироваться на одной точке. Шахматный бог шестидесятых был одет крайне неопрятно, над ним витали винные пары. Кабина лифта почему-то медленно закрывалась. Мы успели разглядеть какое-то подобие улыбки на мертвенном лице Михаила Таля. Его рука потянулась вверх для последнего прощального жеста, но задержалась где-то у пояса. Дверь захлопнулась. Кабина стремглав понеслась в пропасть по лифтовой шахте...

(Фотографии из коллекции Э. Штейна)

РОБЕРТ ФИШЕР В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ

Одиннадцатый чемпион мира, любимец Каиссы Роберт Джеймс Фишер вновь приковал к себе внимание. Ураган "Эндрю", братоубийственная война в бывшей Югославии, финальная стадия "президентской гонки", годовщина россикийского путча не мешают людям, даже крайне далеким от шахмат, с каким-то мистическим чувством ожидать: состоится ли матч Фишер — Спасский, а если — да, то каков будет его исход? В магической притягательности имени Роберта Фишера нет ничего удивительного — все объяснимо и закономерно. Вспомним мы, что еще не так давно миллионы кинолюбителей во всем мире дали бы очень многое, чтобы на экран вернулась легендарная Грета Гарбо. Этому не суждено было сбыться, но мы можем стать свидетелями возвращения "Греты Гарбо шахмат" — Роберта Фишера.

О великом американце сейчас заговорила вся пресса. Как правило, репортажи и статьи о нем не имеют ничего общего с обликом настоящего Фишера. Грешит, к сожалению, передержками и зачастую бестактностью по отношению к чемпиону и русская зарубежная печать. То, оказывается, Фишер набедокурил там или здесь, то проявил свой норов, то просто хлопнул дверью... Пишущие о Фишере русские журналисты, боюсь, и по сей день находятся в плену у шаблонных советских штампов. До недавних пор в советской печати было принято

называть Роберта Фишера "крикуном", "хвастуном", даже "пижоном". К этому вою шахматных писак, к сожалению, присоединился в свое время экс-чемпион мира М. Ботвинник, который со страниц журнала "64" призывал всех к настоящему крестовому походу против Фишера. Жанр контрпропаганды, расцветший чертополохом в застойное время, сделал-таки свое дело...

Колебания настроений Фишера, иногда и кажущееся отсутствие логики в поступках — суть нормальные для него вещи. Как и многие гениальные люди, Фишер болезненно мнителен. Подобно людям такого склада характера, он поборник правды, он не способен лгать. И коль скоро речь о правде, то именно Роберт Фишер мог бы служить эталоном солженицынского — жить не по лжи. Недавно Борис Спасский в беседе со своим другом, международным мастером Анджеем Филиповичем, заявил о своем сопернике: "В истории шахмат Роберт Фишер — человек исключительной честности, безошибочно оценивающий возникающие ситуации". Истина для Фишера дороже всего на свете, и я бы рискнул сказать, как это ни парадоксально звучит, что она дороже ему самих шахмат.

Моя априорность в суждениях о характере Фишера имеет свои веские основания. Принадлежу я к крайне узкому кругу людей, которые часами и целыми днями могут перечитывать и детально изучать сотни писем Роберта Фишера, множество его заметок, знакомиться с его оценками и характеристиками людей, постигать внутренний мир чемпиона, самые его сокровенные думы — по его же записной книжке. Мне уже довелось в статье "Россика американской коллекции" рассказать об уникальном собрании шахматных документов моего друга Ханна Рассела. В его шахматном музее собрано почти все, что касается жизни и творчества Роберта Фишера. Когда читатель будет держать в руках номер с этой статьей, в коннектикутском городке Милфорд,

где хранится упомянутое бесценное собрание, закончит работу съемочная группа кинокомпании "Парамаунт", снимающая фильм "В поисках Бобби Фишера". Экспонаты Ханнона Рассела займут в этой ленте значимое место.

К Роберту Фишеру, живой шахматной легенде Америки, применимы чеховские слова: "В детстве у меня не было детства". Двухлетним ребенком он фактически лишился отца, который бросил семью на произвол судьбы в одном из бедных кварталов Бруклина. Мать с ее садистическими наклонностями и неуравновешанной психикой тоже ничего не дала сыну, кроме постоянных моральных и физических истязаний. По чистой случайности вырваться из удушливого подвала паранойи и безнадежности помогла Роберту его старшая сестра. Когда Роберту было шесть лет, она принесла домой шахматы. Этот день и решил его судьбу. За шахматной доской, среди молчаливых шахматных фигур, он и приобрел все сразу: материнскую теплоту, которой не знал, отца, которого не помнил, друзей, которых у него почти не было. Им был создан свой микромир, в котором звездами были горизонтали и вертикали, а Вселенной — шахматная доска. В тринадцать лет Бобби завоевывает звание чемпиона страны среди юношей. Год спустя к этому титулу добавляется еще один — звание сильнейшего американского шахматиста среди мужчин, а в пятнадцать лет становится самым в то время молодым гроссмейстером мира.

Тринадцатилетний мальчуган Бобби Фишер поразил в 1956 году весь шахматный мир, кроме СССР и стран-колоний, своей ошеломляющей победой над опытнейшим мастером Дональдом Бирном. В этой исторической встрече, которую справедливо нарекли партией века, юный шахматист не только пожертвовал ферзя, но и серией совсем неочевидных маневров превратил ферзя соперника в простого статиста схватки. С любезного

согласи Ханнона Рассела я публикую бланки записи этой эпохальной партии (рис. 1 и 2). Интересны две детали. Фамилии соперника занесены на бланки рукой

46 3d LJR

DATE Oct 17-56 ROUND Eight

TIME ADJOURNED—WHITE TIME ADJOURNED—BLACK

WHITE D. Byrne BLACK Fischer

	White	Black		White	Black
1	N-KB3	N-KB3	31	N-B3	N-K5
2	P-QB4	P-KN3	32	Q-N8	P-QN4
3	N-B3	B-N2	33	P-R4	P-R4
4	P-Q4	O-O	34	N-K5	K-N2
5	B-B4	P-Q4	35	K-N1	B-B4 ch.
6	Q-N3	P×P	36	K-B1	N-N6 ch.
7	Q×BP	P-B3	37	K-K1	B-N5 ch.
8	P-K4	QN-Q2	38	K-Q1	B-N6 ch.
9	R-Q1	N-N3	39	K-B1	N-K7
10	Q-B5	B-N5	40	K-N1	Resigns
11	QB-N5	N-R5	41		
12	Q-R3	N×N	42		
13	P×N	N×P	43		
14	B×KP	Q-N3	44		
15	B-B4	N×BP(Q)	45		
16	B-B5	KR-K1 ch.	46		
17	K-B1	B-K3	47		
18	B×Q	B×B ch.	48		
19	K-N1	N-K7 ch.	49		
20	K-B1	N×P ch.	50		
21	K-N1	N-K7 ch.	51		
22	K-B1	N-B6 ch.	52		
23	K-N1	P×B	53		
24	Q-N4	R-R5	54		
25	Q×NP	N×R	55		
26	P-KR3	R×P	56		
27	K-R2	N×P	57		
28	R-K1	R×R	58		
29	Q-Q8 ch.	B-B1	59		
30	N×R	B-Q4	60		

UNITED STATES CHESS FEDERATION 81 BEDFORD STREET, NEW YORK 14, N. Y.

Рис. 1. Партия Бирн — Фишер (1956) в записи Д. Бирна

Ганса Кмаха, судьи соревнований. На бланке Д. Бирна значится, что партия продолжалась сорок ходов, после которых он сдался. Бланк Фишера свидетельствует о

46

3d LJR

DATE Oct 17-56 ROUND Eight

TIME ADJOURNED—WHITE TIME ADJOURNED—BLACK

WHITE D. Byrne BLACK Fischer

	White	Black		White	Black
1	N-KB3	N-KB3	31	N-B3	N-K5
2	P-QB4	P-KN3	32	Q-N8	P-QN4
3	N-QB3	B-N2	33	P-R4	P-KR4
4	P-Q4	O-O	34	N-K5	K-N2
5	B-B4	P-Q4	35	K-N1	B-B4+
6	Q-N3	PxP	36	K-B1	N-N6+
7	QxBP	P-B3	37	K-K1	B-N5+
8	P-K4	QN-Q2	38	K-Q1	B-N6+
9	R-Q1	N-N3	39	K-B1	N-K7+
10	Q-B5	B-N5	40	K-N1	N-B6+
11	B-N5	N-R5	41	K-B1	R-B7
12	Q-R3	NxN	42		
13	PxN	NxP	43		Mate
14	BxKP	Q-N3	44		
15	B-B4	NxBP	45		
16	B-B5	R-K1+	46		
17	K-B1	B-K3	47	0-1	
18	BxQ	BxB+	48		
19	[illegible]	[illegible]	49		
20	K-B1	NxP+	50		
21	K-N1	N-K7+	51		
22	K-B1	N-B6+	52		
23	K-N1	PxB	53		
24	Q-N4	R-R5	54		
25	QxNP	NxR	55		
26	P-R3	RxRP	56		
27	K-R2	NxBP	57		
28	R-K1	RxR	58		
29	Q-Q8	B-B1	59		
30	NxR	B-Q4	60		

UNITED STATES CHESS FEDERATION 80 BEDFORD STREET, NEW YORK 14, N. Y.

Рис. 2. Та же партия в записи Р. Фишера

другом: партия продолжалась на ход дольше и на доске был поставлен мат. Фишером.

Кое-кто из читателей может заметить: в истории шахмат такое уже случалось, когда вундеркинды побеждали именитых соперников. Да, было такое. Например, тринадцатилетний Поль Морфи в 1950 году в Новом Орлеане со счетом 1,5 : 0,5 победил опытнейшего мастера Яноша Левенталя. В 1945 году в Испании Артуро Помар добился ничьей с самим Александром Алехиным. Однако эти достижения, бесспорно значимые, блекнут по сравнению с успехом юного Фишера — еще ни одна партия, сыгранная в нашем столетии, не может по своей красоте и глубине приблизиться к фишеровской "партии века".

17-летним юношей, не закончив средней школы, Бобби Фишер всецело посвящает себя реализации заветной мечты: покорить шахматный мир. Для достижения цели он отвергает все прелести жизни, которые жизнь представляет человеку. Не имея в детстве семьи, он до сих пор не обрел ее; у него нет дома (в нашем обывательском понимании), нет постоянного адреса. Для Бобби шахматы значат больше, чем деньги. Не будем, однако, упрощать: в какой-то степени, правда, минимальной, его все же интересуют "товарно-денежные отношения". Но между презренным металлом и шахматами дилеммы не возникает — на первом плане всегда шахматы. Как-то один из почитателей Фишера, экономист Каспер, предложил ему приобрести облигации различных займов и акции промышленных предприятий. На это деловое предложение Фишер совершенно детским вопросом ответил: "А какая разница между облигациями и акциями?".

Путь к вершине не был усеян розами. Феноменальное шахматное видение у юного Фишера сменялось плохим ремесленничеством (опыт только накапливался). Из того же собрания Ханнона Рассела я привожу бланки

двух его проигранных в 1956 году партий (рис. 3 и 4). Бисгайеру Фишер проиграл в 33 хода, но после этой партии они встречались еще тринадцать раз, и счет ошеломляющий — 13 : 0 в пользу Фишера. На том же турнире, в том же 1956 году, в партии с С. Решевским Фишер просрочил время. Во всей богатейшей карьере

DATE Oct 15 - 56 ROUND Six

TIME ADJOURNED—WHITE ______ TIME ADJOURNED—BLACK ______

WHITE Reshevsky BLACK Fischer

	White	Black		White	Black
1	P-QB4	N-KB3	31	Q-[illegible]	Lost on Time
2	P-Q4	P-KN3	32		
3	P-KN3	B-N2	33		
4	B-N2	O-O	34		
5	N-QB3	P-Q3	35	1-0	
6	N-KB3	N-QB3	36		
7	O-O	P-QR3	37		
8	P-QN3	R-N1	38		
9	B-N2	P-QN4	39		
10	PXP	PXP	40		
11	R-B1	N-QR4	41		
12	P-K4	P-N5	42		
13	P-K5	PXN	43		
14	BXP	N-N2	44		
15	PXN	BXP	45		
16	P-QN4	B-B4	46		
17	P-Q5	BXR	47		
18	RXB	Q-Q2	48		
19	Q-B1	KR-B1	49		
20	Q-R6	P-KB3	50		
21	N-Q4	NXN	51		
22	[illegible]	N-B3	52		
23	Q-K3	N-K4	53		
24	P-KB4	N-N5	54		
25	Q-Q2	P-KR4	55		
26	R-K1	K-R1	56		
27	P-KR3	N-R3	57		
28	K-R2	K-B2	58		
29	Q-K2	N-N1	59		
30	R-B1	R-R2	60		

UNITED STATES CHESS FEDERATION 81 BEDFORD STREET, NEW YORK 14, N. Y.

Рис. 3. Партия Решевский — Фишер

Фишера просрочка времени произошла у него всего лишь один раз. Такого не знает ни один шахматист планеты. Умел учиться на своих ошибках и промахах чемпион!

GAME No. 6

MANHATTAN CHESS CLUB

SINCE 1877

America's Oldest - Ever Progressive

Event 3d LJR Round 1 Date 10-7-56 0

White: Mr. Bisguier Black: Mr. Fischer

WHITE		BLACK	WHITE		BLACK	WHITE		BLACK
P-Q4	1	N-KB3	Q-B8	31	Q-Q1		61	
P-QB4	2	P-KN3	R-Q1	32	B-B3		62	
N-QB3	3	B-N2	QxN+	33	[illegible]		63	
P-K4	4	P-Q3		34			64	
P-KB4	5	O-O		35			65	
N-KB3	6	P-B4		36			66	
B-K2	7	PxP	1–0	37			67	
NxP	8	N-B3		38			68	
N-B2	9	B-Q2		39			69	
O-O	10	R-B1		40			70	
B-K3	11	N-R4		41			71	
P-QN3	12	P-QR3		42			72	
P-K5	13	PxP		43			73	
PxP	14	N-K1		44			74	
N-Q5	15	R-B3		45			75	
N-Q4	16	R-B1		46			76	
N-B2	17	R-B3		47			77	
N-N4	18	R-K3		48			78	
B-N4	19	RxP		49			79	
B-N6	20	Q-B1		50			80	
BxB	21	QxB		51			81	
BxN	22	P-K3		52			82	
N-Q3	23	R-KR4		53			83	
N-B4	24	R-B4		54			84	
N-N4	25	PxN		55			85	
QxR	26	BxR		56			86	
QxB	27	KxB		57			87	
Q-R8+	28	K-K2		58			88	
Q-R7+	29	K-Q1		59			89	
NxP	30	Q-Q3		60			90	

Рис. 4. Партия Бисгайер — Фишер

У непосвященных наградной фонд будущего матча вызывает восхищение. Гарри Каспаров же негодует, что, дескать, "пенсионеры–шахматисты" чуть ли не за что получают 5 миллионов долларов. Сумма, действительно, головокружительная, — а ведь двадцать девять лет тому назад с Робертом Фишером можно было сразиться всего лишь за "трешку", а наблюдать за его игрой — за доллар. Но скоро может статься, что за одну лишь партию с Робертом Фишером будут платить полмиллиона. Вины инфляции здесь никакой нет — тут срабатывает чемпионский имидж.

Роберту Фишеру никогда не везло с политикой, точнее с катаклизмами новейшей истории. Однажды он не мог полететь на турнир на Кубу и должен был со-

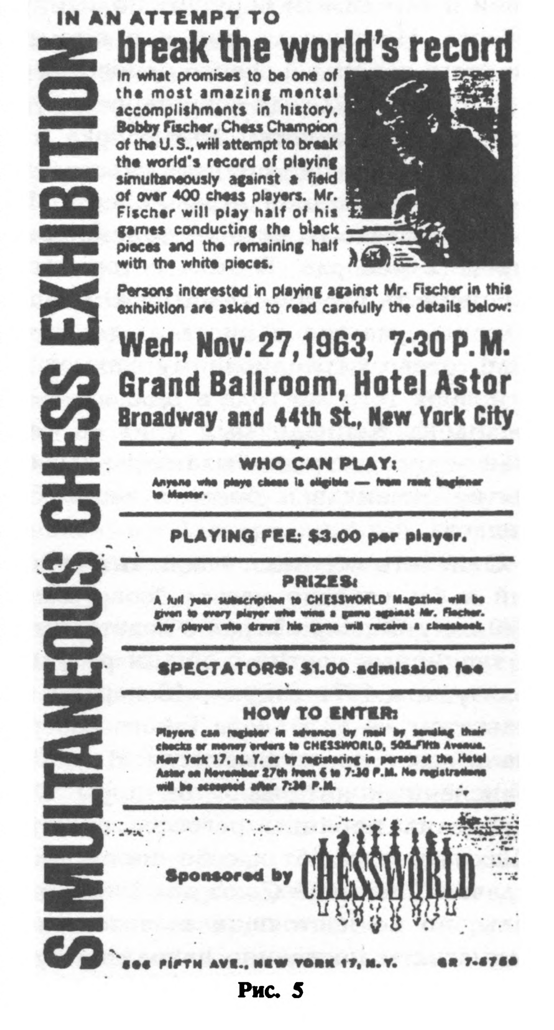

Рис. 5

стязаться со своими соперниками по телефону: Госдепартамент запретил поездки американских граждан на так называемый "Остров Свободы". Предупредил Госдепартамент Фишера и сейчас, что будет он примерно наказан, если все-таки решиться играть в бывшей Югославии и тем самым нарушит политику международного эмбарго. Не повезло ему и с попыткой установления мирового рекорда в сеансе одновременной игры (рис. 5).

7 ноября 1963 года секретариат журнала "Чессуорлд" разослал шахматистам Нью-Йорка и близлежащих городов приглашение принять участие в историческом сеансе одновременной игры Роберта Фишера более чем на 400 досках, то есть — содействовать установлению мирового рекорда. В этом историческом соревновании мог принять участие каждый желающий (о финансовых условиях участия я писал двумя абзацами выше). Все было готово к грандиозному шахматному празднику, но 22 ноября того же года в Далласе грянули выстрелы, и президент Кеннеди был убит. В течение нескольких дней великая страна была парализована: любые мероприятия отменялись, боялись хаоса. Сеанс так и не состоялся.

Отметить все-таки надлежит рекорд Фишера, который я бы условно назвал "советским". Суть такова: в 1970 году Фишер сыграл с советскими гроссмейстерами 11 турнирных партий с общим результатом 8 : 3 в свою пользу, а в 1971 году — 15 партий с еще лучшим результатом — 12,5 : 2,5. Такого разгрома (5,5 : 20,5) не знали советские шахматисты. В одном из своих немногочисленных интервью той поры Фишер очень точно определил причины регресса советских шахматистов: "Шахматы требуют к себе постоянной любви и полной отдачи. Советский Союз дал миру ряд игроков большой силы, но не настоящих талантов, потому что русские шахматисты постоянно находятся в тепличных условиях, они никогда по-настоящему не боролись. В СССР

шахматисты — это герои, с комфортабельными квартирами, машинами, дачами, полученными от правительства, — из кармана народа.

Я не уверен в том, любят ли они по-настоящему шахматы, они больше заинтересованы в благах, которые шахматы приносят, а это снижает силу их игры".

Вспоминается, как на мой вопрос о возможном матче с Фишером в 1980 году Виктор Корчной ответил: "Конечно же, матч до 10 побед я проиграю со счетом 4 : 10, в лучшем случае — 5 : 10". Я тогда наивно недоумевал: "Стоит ли в таком случае огород городить?". Корчной пояснил, что стоит: "По ходу матча я сделаю с Фишером 25–30 ничьих, а кто сумеет добиться стольких ничейных результатов?". Причем, так оценивал свои шансы шахматист, у которого до этого счет встреч с Фишером был ничейный — 4 : 4, при двух победах и двух поражениях. Тогда же Корчной пояснил мне, что сила Фишера как раз и состоит в том, что в каждой, казалось бы, рутинной позиции он ищет и находит новые, неизвестные досель, идеи, оживляя, казалось бы, "мертвые" позиции. В своем логическом подходе к шахматной музе Фишер во многом напоминает Ласкера, который, кстати, добивался блестящих успехов в преклонном для шахматиста возрасте.

Если бы мою стать прочел Роберт Фишер, он, скорее всего, возмутился бы сравнением с Ласкером. Фишер вообще не считает второго чемпиона мира сильным игроком и даже не включил его в свой список десяти лучших игроков планеты. Но у гения есть свои, простым смертным недоступные, причины придерживаться той или иной, порою парадоксальной, точки зрения.

Американский гроссмейстер Ларри Эванс как-то заметил: "Победе за доской Фишер отдается без остатка. Каждая партия для него есть вопрос жизни и смерти. Очень редко он предлагает ничью — даже тогда, когда для победы в турнире ему необходимо набрать поло-

винку. Только игровой процесс, а не турнирный результат, составляют для Бобби основу основ".

Итак, в предстоящем матче Фишер — Спасский победят, прежде всего, шахматы. Употребим условно-уступительное "если": если матч начнется и завершится. Второй победитель — Борис Спасский. Он сумел сделать то, что в течение двадцати лет не удавалось никому, — благодаря ему состоялось (?) явление Роберта Фишера шахматному народу.

ПОЭЗИЯ И ШАХМАТЫ.

"...Этюды и задачи — это поэзия шахмат, настоящая поэзия, как и поэзия в целом".

В. Набоков

"Шахматы — не азартная игра. Они содержат в себе чистое наслаждение, как искусно изваянная статуя или хорошее стихотворение".

М. Садовяну

Прелесть шахматной игры, богатство ее возможностей, многогранная символика — издавна привлекали к королевской игре пристальное внимание поэтов и писателей. В шахматах они искали не только темы для своих произведений, но нечто больше: вдохновение.

Персидского поэта, мыслителя и писателя древности Фирдоуси как-то спросили, почему в своем творчестве так много место и внимания уделяет шахматам. Ответ поэта: "Чтобы найти вдохновение в поэзии", — можно поставить эпиграфом к любому критическому труду о поэзии.

Поэты находят в шахматах вдохновение, а шахматисты в поэзии — гармонию, мелодию, потому что подлинное произведение звучно своим внутренним

горением — этим же огнем мысли дышит каждая комбинационная партия. Поэзия — свод поэтических аксиом и теорем, шахматы зиждутся на том же. Прав бал Георгий Адамович, говоря, что "в словах присутствует то, чего нет в звуках, ...красках: логическая связь". Она (логическая связь) и роднит шахматы с поэзией. Если согласиться с гамсуновским утверждением, что правда — это незаинтересованная субъективность, то искатели объективной правды должны искать истину только в поэзии и шахматах.

Поэзия и шахматы постоянно стремятся к идеалу: предельно насыщенной и одновременно краткой, эмоциональной, философской зарисовке или к рациональному решению. И подобно идеальному сонету, в котором первое четверостишие — тезис, второй катрен — антитезис, первое трехстишие — борьба между ними, последний терцет — синтез; "вечно зеленые" партии по дебюту — тот же тезис, по миттельшпилю — разгоревшийся конфликт между белой и черной армиями, а эндшпиль — сложное обобщение предыдущих стадий игрового процесса.

История развития поэзии и шахмат позволяет нам сопоставлять творения Мнемозины и Каиссы, поскольку они неразрывно связаны между собой краеугольным камнем нашего бытия — человеческой мыслью. Шахматный ход характеризуется строго законченной и продуманной линейностью, поэтому баталии на ограниченном черно-белом квадрате, по мелодии мысли и классической структуре, почти всегда адекватны поэзии, стихотворениям, лишенным византийской орнаментальности, стихотворениям аполлонического характера. И даже тогда, когда в том или ином поэтическом произведении преобладает элемент абстракции, оно все равно подобно гармонической шахматной композиции, созданной из отвлеченных слагаемых.

Алексис Раннит говорит, что "поэзия — это священ-

ная геометрия, и технически каждое стихотворение тождественно крестословице". Расширяя мысль поэта, мы можем сравнить поэзию с искусством замкнутой структуры, ограниченной 64-мя полями, своеобразными квадратами крестословицы — шахматами.

Из всех интеллектуальных игр, созданных человеком, шахматы, пожалуй, одни из немногих, выдержавших испытание тысячелетиями, прошедшие "через века и страны". Эту "биологическую совместимость" шахмат с жизнью человека следует объяснять, прежде всего, той красотой, которой они воздействуют на наше воображение.

Человек-творец, осваивая природу, руководствуется в своей созидательной деятельности идеалом красоты — порядком, отсюда одним из эталонов прекрасного как раз и являются шахматы и поэзия. Шахматы красивы, так как они логичны, поэзия прекрасна, потому что в своей совершенной форме она соединяет сложную гамму человеческих страстей и мыслей.

Одни и те же чувства и мысли можно выразить плохо и удачно: словами-калеками и словами, которые напоминают кристалл или бутон цветка, геометрическую теорему или парящую чайку, или, наконец, неожиданно-остроумную шахматную комбинацию. Отсюда шахматы стали одной из тем, узаконенных поэзией.

Различные стихотворные формы: сонеты и триолеты, чахрухаули и рондели, месневи и танки воплощают в сочетания звуков поэтический замысел, а шахматные дебюты помогают в осуществлении тех или иных стратегических концепций играющих, причем небольшие условности, как поэтического, так и шахматного плана, не могут умалить свежести и очарования произведений искусства.

Поэтические и шахматные произведения большой силы вызывают высокий эмоциональный накал — это

объясняет, почему шахматная поэтика, как поэзия в целом, приносит человечеству радость.

Владимир Набоков в предисловии к книге "Poems and Problems" пишет: "Шахматные задачи и этюды требуют от их композиторов той же виртуозности, которая характеризует всякое высокое искусство: оригинальности, гармонии, богатства форм...". Эти слова поэта и шахматного композитора не нуждаются в добавлении — они обобщают и суммируют несметное множество шахматных образов, которые, благодаря специфическому восприятию, претворяются в художественно–эстетические ценности.

Лаконичность и отточенность эпиграммной формы, перерождающиеся на шахматной доске в "малютку–бэби", композицию, состоящую в первоначальном положении из пяти фигур, одно из многих доказательств связи двух видов искусства.

Все же было бы ошибкой забыть о некоторых особенностях, отличающих поэзию от шахмат. В век регулярных "прилунений" человека на нашем серебряном спутнике в шахматы начали играть даже компьютеры, которые, в зависимости от программирования, иногда обыгрывают и мастеров, а вот писать хорошие стихи компюторы пока еще не научились. Кто знает, быть может, это не недостаток, а преимущество поэзии над шахматами? Поэзии, однако, недоступно то, что является жизненной основой мудрой игры: язык шахматных юморесок и ронделей — "вечнозеленых" партий и миниатюр понятен всем народам, он не нуждается в переводе, — ведь недаром девизом шахматистов планеты стали слова: "Генс уна сумус!"

Торжество творческой мысли — вот основная цель искусства, в частности поэзии и шахмат. На протяжении эпох, катаклизмов и цивилизаций, шахматы наводили игроков и наблюдателей на философские размышления о совокупности света и мрака, с их постоянным чере-

дованием, на мысли об извечной борьбе между "белыми" (правдой, светом, любовью) и "черными" (силами лжи, тьмы, ненависти), на мысли о том, что человеческая судьба такая же игрушка в руках неведомой силы, как шахматные фигуры, передвигаемые игроком, на мысль о самом прекрасном в жизни — подвиге самопожертвования (для спасения не только королей и ферзей, но, прежде всего, скромных пешек). Поэтому шахматный мир глубоких ассоциаций, с их тончайшими нюансами, привлекает к себе человечество уже более двух тысяч лет.

РУССКАЯ ПОЭТЕССА ОЛЬГА КАПАБЛАНКА

В популярном романе А. Котова "Белые и черные" она описана так: "...Пышная прическа светлых волос, огромные голубые глаза, выразительные, тонкие черты красивого лица. Черное панбархатное платье, закрытое спереди, обтягивало ее стройную фигуру. Сзади платье имело глубокий вырез, открывая ровную, красивую спину... Мадам Ольга Чегодаева... Ольга — русская княгиня". Для полноты картины автор решил обронить несколько слов об Ольге как личности: "Из ее рассказов Капабланка понял, что она много читала, много знает и даже писала в русских журналах..."

Это "даже", вклинившееся в цитату, выдает, прежде всего, неведение автора. Ольга Чегодаева с ранних лет начала писать, она была родственницей Сергея Городецкого, а на литературные дерзания ее благословил сам Константин Бальмонт. Позднее поэтесса расскажет об этом в стихотворении "Птигран"

На томике заглавье: Городецкий.
О Боже, сколько лет и стран
Нас отделяет от порога детской,
Где я когда-то вас звала: Птигран.
. . . .

Тогда ж я познакомилась с Бальмонтом,
И он на путь меня благословил...

Ольга Чегодаева прожила большую и на редкость интересную жизнь. Она была той, кто скрасил последний период жизни знаменитого Капабланки; она же проводила в последний путь героя Америки, славного адмирала Ж. Кларка.

Стихи Ольга Капабланка писала всю жизнь и только недавно, в Буэнос-Айресе, выпустила свой первый сборник — "Памяти любимых неживых". Книга вышла под фамилией четвертого мужа поэтессы — Кларк. Тираж — всего 50 экземпляров, сборник сразу после его выхода стал библиографической редкостью.

Заглавие книги — "Памяти любимых неживых" — соответствует тематической сути стихотворений, но иногда поэтесса отстраняется от личного. Так, о близком ей когда-то Сергее Городецком она говорит:

Вы распластались в низкопробной лести
Похуже, чем придворный подхалим.
Что ж получили вы, Птигран, за это?
Как видно, трусость одолела вас,
И даже ваш прекрасный дар поэта
В трескучей лживости угас.

Ольга Капабланка — поэтесса камерного плана, голос ее чист и искренен. Ее стихи подкупают своей мелодичностью, в них нет модернистского трюкачества. Прозаично легкие строки напоминают старинные светские романсы.

Мне от ночи укрыться нельзя,
Лунным светом она заиграла.
Разлилась серебристая жуть,
И коварная, светлая, пряная,
Не дает эта ночь отдохнуть.

И дальше:

Я узнала, как чудно сладка
На губах острота поцелуя.
А распелась в саду тишина,
Рассветились на небе дороги,
И, в росистом восторге влажна,
Укусила трава мои ноги...

Некоторые свои стихотворения О. Капабланка посвятила проникновению в мир животных. Вот один из превосходных образцов литературы для детей:

Лилось веселье широко.
О, как изящно и легко
Коты мазурку танцевали
В паркетной белостенной зале,
В сияньи восковых свечей.
Всех восхищала дебютантка
Зеленоглазая белянка,
Из рода славных шеншелей.

К ней подошел тигровый котик,
Которого мамаша Мурка
Представила своей дочурке.
Белянка приоткрыла ротик
И даже вовсе без кокетства:
Они знакомы были с детства.
И он признался, как он рад,
Что много дней тому назад,
Когда совсем еще котятки,
Они уже играли в прятки.

(Стихотворение "Кошачье Рождество")

Музе поэтессы свойственны и другие тона, отражающие ее веру в человеческое бессмертие.

Остановившись в бесконечности,
Вокруг меня рассвет затих,
И терпко было чувство вечности
Среди любимых неживых.

(Стихотворение "Полусон")

Книга Ольги Капабланки имеет один существенный "недостаток" — ее почти невозможно приобрести.

ГРОССМЕЙСТЕР МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ

Минуя кордоны пронырливых журналистов, мы с трудом выбрались из "Шератона" и оказались в небольшом ресторанчике, которых тысячи в аргентийской столице. Мы —это руководитель Вашингтонского симфонического оркестра Мстислав Ростропович и автор этих строк. Беседа между нами сражу же завязалась вокруг шахмат. Фанатичный любитель древней игры, Ростропович стремился использовать чудом оказавшееся свободным время для восполнения своих шахматных познаний: сначала он заставил говорить меня, но потом я все же перехватил инициативу и заговорил уже великолепный музыкант.

"Шахматы люблю, иногда они мне даже грезятся, да вот играю я очень плохо. Чур, вру — ведь был же я чемпионом, правда, нашего подъезда, да и то среди девочек. Ты вот говоришь, что надо было мне всерьез заняться шахматами, а вот посмотри: Ойстрах и Прокофьев полжизни им отдали, а выше первого разряда не поднялись. Нет уж, уволь, быть перворазрядником не хочу: в искусстве всегда хотел быть только мастером, а иначе к нему и прикасаться не следует. И все же, видишь, всю жизнь играю в шахматы, правда в музыкальные, а они намного сложнее ваших".

Не выдержав, я воскликнул: "Как бы не так!" Му-

зыкант, не обращая внимания на мои эмоции, продолжал: "А ты не дергайся, послушай и убедишься, что я прав. Так вот, вы играете с 32–мя мертвыми фигурками..." — "Для нас, Слава, они живые", — успел вставить я.

"Нет, не дури, они мертвые, вот у меня фигурки живые, да и числом побольше — 104, в три раза больше ваших черно–белых армий". — "Да, но оркестрант ведь сам художник, с ним работать легче, он–то знает, что ему делать", — не сдавался я. "Вот, я плохо смыслю в комбинациях, а ты вот, видно, не варишь в музыкально–шахматных дебютах".

Озадаченный, я спросил: "А что это такое?". "Вот в том–то и дело, что не знаешь, да и Витя (это о Корчном), наверно, тоже не знает. Как правило, оркестрант — это шахматный инструктор районного дома пионеров. Он хочет показать ребятишкам всего лишь несколько вариантов и немедля отправиться к бухгалтеру за получкой, а оттуда в какую–нибудь чайную. Заставить такого музыканта–инструктора играть — вот это уже высшее искусство. Иногда, я чувствую, что 104 инструктора, то ли из–за усталости, то ли из–за психологии — "нас не трогай", губят "дебют" моего концерта. Приходится выкручиваться, искать невидимых лазеек, чтобы перевести концерт в приличный миттельшпиль. Не забывай, что слушатель "дока" — сразу поймет, что в позиции на музыкальной доске ты начал плавать. Вот тут–то надо дать ему возможность чуть расслабиться, и в тот же миг взором показать 104 фигуркам, что ты и не думаешь уступать им позиции, а заставишь их прийти в гармоническое сочетание. Гипнозом, мимикой, жестами, даже обманчивой улыбкой, ты должен подчинить себе инструкторов–музыкантов, чтобы они почувствовали кончики твоих пальцев, и глазами, которые у меня на спине видят не хуже, чем на лице — держать в напряжении зал. Говоришь, что крайне трудно определить в шахма-

тах, когда выгоднее всего перевести партию из начальной стадии в эндшпиль, а музыке это право не дано: в ней присутствуют все стадии игрового процесса. Ошибиться в эндшпиле мне просто нельзя. Такой просчет я не окуплю потом никакими громкими победами".

Концерт в театре Колон наглядно показал мне глубинно–мистическое проникновение Ростроповича в безбрежные дали музыкально–шахматного моря. Плыть по его коварным волнам дано лишь когорте великих — гроссмейстерам искусства.

Вместо посткриптума.

Около трех часов утра меня разбудил телефонный звонок. Голос на другом конце провода потребовал: "Эдик, дружок, ну, расскажи, как же там было. Вот только что приехал из провинции в Буэнос–Айрес с концерта и не знаю, как у Вити". Докладываю о ходе пятой партии. Разговор заканчивается чуть ли не приказом — "Ты не забывай шопеновский "Этюд по черным клавишам". Нет, не забыл я этюдной четвертой партии Корчного, как и не забуду выступления Ростроповича в Буэнос–Айресе.

А. КОТОВ И АКСЕНОВСКАЯ "ПОБЕДА"

Среди многочисленных слухов, окружавших финальный матч турнира претендентов в Меране между Робертом Хюбнером и Виктором Корчным, особенно усердно муссировался один — со дня на день нужно было ожидать приезда гроссмейстера Котова. Руководитель делегации Хюбнера, некто Хильгерт, наживший огромное состояние на торговых операциях с Советским Союзом, дружил с советским шахматистом, а через него... и с "органами".

Журналисты требовали от Хильгерта сообщения точной даты приезда его московского друга, но Александр Александрович Котов перед самой капитуляцией Хюнбера умер. Негоже об усопшем писать плохо, поэтому обойдем сторонкой кампанию травли Бориса Спасского, которой в начале 1973 года по заданию соответствующей инстанции на страницах "Правды" руководил Котов. Забудем и постыдную роль гроссмейстера в создании "письма" советских шахматистов невозвращенцу Корчному. Постараемся это покрыть "непамятью", пусть время разберется в "передушенных лицах..."

Спортивными достижениями Александр Котов оставил заметный след в истории шахмат, хотя предел своих возможностей он преодолел довольно давно, почти тридцать лет назад. Первый крупный успех пришел к

нему в 1939 году, когда только на финише он уступил звание чемпиона страны Михаилу Ботвиннику. Через девять лет он все же добивается своего: вместе с Давидом Бронштейном получает золотую медаль победителя первенства СССР. 2-й межзональный турнир приносит ему абсолютный триумф — первое место с чуть ли не фишеровским результатом: тринадцать побед при семи ничьих. После этого успеха практически начинается закат Котова-гроссмейстера: он изменяет своей шахматной Музе, а та за это мстит беспощадно. Александр Александрович становится "самым хорошим шахматистом среди писателей и самым хорошим писателем среди шахматистов". В 50-е годы он выпускает капитальный труд — "Шахматное наследие А.А. Алехина", переведенный на многие языки.

О многосторонней деятельности Александра Котова, казалось бы, известно все. Откроем, однако, читателю одно белое пятно — Котов цензор. Нет, не по должности, а по убеждению. Здесь необходимо перейти к прекрасному рассказу Аксенова "Победа".

Ни заглавие рассказа Аксенова, ни даже его герои, ни основной сюжетный эпицентр (сражение на шахматной доске) в сущности не имеют большого отношения к шахматам, они лишь код, камуфляж и сложный шифр, которыми автор ведет читателя к восприятию тонкой кафкианской аллегории. Рассказ впервые был напечатан в июньском номере журнала "Юность" за 1965 год, хотя первоначально В.П. Аксенов предоставил рукопись столичному журналу "Москва".

Позиция сил — фигур на "шахматной" доске журнала "Москва" в то время была такой: королевско-редакторская мантия принадлежа серому и невзрачному Евгению Поповкину, тому самому, который написал соцреалистическую "Семью Рубанюк"; во главе отдела прозы стояла "пешка" В. Андреев; душой же этого отдела и почти "королевой" журнала была Диана Тевеке-

лян, всеми силами поддерживавшая молодых, многообещающих писателей. Именно она выпросила у В. Аксенова для журнала два его рассказа: "Победа" и "Жаль, что вас не было с нами", затем "протащила" эти рассказы через цензуру и сдала их в набор.

Но неожиданно у рассказов появился опасный враг по силе во много раз превосходящий ферзя и ладью вместе взятых. В то время, когда гранки аксеновских "Двух рассказов" (так хотели их озаглавить в "Москве") лежали на столе В. Андреева, к нему зашел Александр Котов, автор незадолго до того опубликованного в "Москве" графоманского романа об Александре Алехине — "Белые и черные". В. Андреев, не предчувствуя беды, похвастался перед гостем: "А у нас, Александр Александрович, еще один шахматный автор теперь есть". И дал ему рассказ "Победа". Финал чтения был подобен неожиданно полученному мату. Вне себя от ярости Котов кричал: "Не допущу! Это клевета на советских шахматистов!" С гранками в руках он помчался к Поповкину, тот тут же вызвал к себе Диану и сказал ей: "Диана Варткесовна, пожалуй, не стоит давать эту "Победу". Мы ведь только что "тиснули" шахматный роман, теперь, нате вам, шахматный рассказ: у нас ведь литературный журнал, а не шахматный". Вся аргументация Дианы ни к чему не привел. Узнав, что Котов отправился в Главлит, и Диана решила действовать. Она позвонила Мери Озеровой — редактору отдела прозы журнала "Юность". Между ними произошел разговор приблизительно такого содержания:

Диана — Мери, есть ли у тебя местечко в шестом номере?

Мери — Да ты что, с ума сошла? Ведь уже апрель.

Диана — Ну, хорошо, значит, отдам Васю Аксенова кому-нибудь другому.

Мери — Сколько там?

Диана — Твоих страницы три, не больше. Но либо

он пойдет в шестом номере, либо у вас не пойдет совсем. У меня его "Новый мир" с мясом вырвет.

Мери — Сейчас пришлю курьера...

И рассказ "Победа" увидел свет в шестом номере "Юности". До конца своих дней Александр Котов мстил этому журналу, несмотря на его ортодоксальность в последние годы. Да, в "Москве" остался рассказ В. Аксенова "Жаль, что вас не было с нами". Больше ни строки Аксенова журнал "Москва" не напечатал — редакционная коллегия панически боялась... Александра Александровича Котова.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
Генеральному секретарю ЦК КПСС
Ю. В. Андропову

Господин Генеральный секретарь!

Ваше лидерство в коммунистической партии Советского Союза было встречено западной прессой каскадом прогнозов на будущее. В футурологических своих опытах журналисты пользовались и Вашим влечением к джазу, и слабостью к цыганскому романсу, и Вашими успехами в освоении лексики английского языка. Все почему-то дружно позабыли... шахматы, очевидно, запамятовали, что со времен Ивана Грозного в Кремле почитали мудрую игру.

Победитель Всероссийского турнира любителей 1909 года, Александр Алехин, за свое достижение был удостоен приза Имени Их Императорских Величеств. Десять лет спустя тот же Алехин был спасен от расстрела тогдашним Предсовнаркома Украины Раковским; а чуть позднее был отпущен за границу большим поклонником шахмат Лениным. Крыленко не только преследовал врагов народа, но и как мог защищал шахматистов от "карающего меча революции". Сталин с пиететом относился к Ботвиннику и не тронул Кереса, хотя последний в годы войны выступал в гитлеровских турнирах. Ваш предшественник на высоком посту Генсека,

Л. Брежнев, живо интересовался шахматами и только благодаря им, шахматам, нашел возможность проявить снисхождение, разрешив незадолго до своей смерти семье Виктора Корчного выехать в Швейцарию.

Традиционные "сто дней" уже за Вами. Надеюсь, что теперь Вы сможете выкроить минуту-другую и для шахмат. Сделайте Ваш первый "ход", но не е2—е4, а снимите с советской доски две "фигуры" — разрешите выехать из страны двум ее чемпионам, супругам Гулько. Этот подарок в "дебюте" Вашего правления шахматный мир никогда не забудет, а шахматы живучи — их история перевалила уже за две тысячи лет.

Соответствующие органы власти систематически отказывают Б. Гулько и А. Ахшарумовой в праве на выезд, мотивируя свое решение соображениями высшего порядка. Какими? Ни шахматисты мира, ни сами "отказники" не ведают. Вам, господин Генеральный секретарь, быть может, доложат, что супругам Гулько созданы де в СССР прекрасные условия для развития их дарования. Подобная информация — очковтирвтельство. Только что Анну Ахшарумову просто ограбили, лишив ее заслуженной победы в 42-м чемпионате страны, а на квартиру Гулько явился товарищ Малышев — заместитель директора Центрального шахматного клуба Москвы по идейно-воспитательной работе. Он предложил гроссмейстеру, чемпиону страны 1977 года, устроиться на работу, не связанную с шахматами. Дабы у Б. Гулько не возникло сомнений, товарищ Малышев разъяснил — "дворники теперь хорошо живут".

Борис Гулько не Остап Бендер и переквалифицироваться в управдомы не может. Он гроссмейстер, и этим емким словом сказано все.

Господин Генеральный секретарь, повторяю свою просьбу: разрешите А. Ахшарумовой и Б. Гулько покинуть страну. Смею Вас уверить, что своим творчеством

они на Западе принесут России больше пользы, чем орудуя метлами в какой–нибудь московской подворотне.

Остаюсь

Э.ШТЕЙН — член группы "А"
Международной федерации журналистов,
пишущих на шахматные темы.
Февраль 1983.

ГЕНС УНА СУМУС?..

Американский книжный рынок испытывает сегодня немалые трудности, общее состояние экономики страны повлияло и на него: книги залеживаются, и даже регулярные распродажи не улучшают дело. Среди редких исключений оказалась советская книга — "Шахматы. Энциклопедический словарь", выпущенный московским издательством "Советская энциклопедия" в прошлом году. Спрос на нее превышает предложение, несмотря на то что цена довольно высока — некоторые магазины продают за 54 доллара. Вообще надо заметить, советская шахматная литература пользуется в США большим спросом, и это несмотря на то, что шахматная жизнь страны развивается не слишком бурными темпами.

Добротно изданный том "Словаря" приглянулся американскому читателю: и качество бумаги довольно высокое, красочные иллюстрации хорошего качества, и множество статей, ну, и, конечно, когорта имен: редакционная коллегия почти как футбольная команда, включая запасных. Тут и шахматный эстет и эрудит Юрий Авербах, и блистательный Михаил Таль, и летчик-космонавт Виталий Севастьянов в соседстве с... прокурором сталинских времен Виктором Батуринским. Руководит шахматной "командой" шахматист-литератор Анатолий Карпов, автор вышедшей в Америке довольно непопулярной книги "Сестра моя Каисса". В редколлегии тома

мы найдем фамилии четырех экс-чемпионов мира. Но места для чемпиона планеты Гарри Каспарова почему-то в ней не сыскалось.

Американский читатель, взяв в руки "Словарь", сразу же, естественно, начнет искать известные ему имена. Например, Владимира Набокова. Американцы вряд ли помнят слова А. Солженицына в "Архипелаге": "Русское Зарубежье — это большой духовный мир, там Рахманинов, Шаляпин, Бенуа, Дягилев, Павлова, Казачий хор Жарова... существует небывалый писатель Набоков-Сирин...". Но ведь "небывалый писатель Набоков-Сирин" известен в Америке не только своими романами, рассказами, переводами, драматургией и поэзией, а еще и как оригинальный шахматный композитор, создатель интересной "набоковской" темы в композиции. В 1970 году нью-йоркское издательство "Mc Graw-Hill Book" выпустило в свет уникальную книгу писателя "Poems and Problems" — "Стихи и шахматные задачи". Набоков отобрал для этого издания восемнадцать своих лучших шахматных произведений, некоторые из них завоевали призы на международных соревнованиях проблемистов. Для русского же любителя королевской игры бесспорно самой интересной будет задача-шутка, которую В. Набоков посвятил мастеру Евгению Зноско-Боровскому, опубликовал ее в своей шахматной рубрике в парижской газете "Последние новости" 17 ноября 1932 года. Задача была подписана В. Сириным. Условие задачи чисто "набоковское": белые получают назад свой ход, после чего следующим ходом дают мат. Муза Набокова почти адекватна его шахматному дару, аполлонический характер поэзии дополняется классицизмом шахматных построений. В задачах и стихах поэта присутствует иконологический смысл, они практически исключают элемент случайности. В берлинской русской газете "Руль" В. Набоков вел постоянный шахматный отдел, один из интереснейших в русской периодике русского изгнания.

Именно "Руль" опубликовал тончайшие шахматные сонеты, от которых он в будущем как бы отказался, не включив в свое поэтическое избранное. Вот один из них:

Я не писал законного сонета,
хоть в тополях не спали соловьи, —
но, трогая то пешки, то ладьи,
придумывал задачу до рассвета.
И заключил в узор ее ответа
всю нашу ночь, все возгласы твои,
и тень ветвей, и яркие струи
текучих звезд, и мастерство поэта.
Я думаю, испанец мой и гном,
И Филидор — в порядке кружевном
скупых фигур, играющих согласно, —
увидят все, что льется лунный свет,
что я люблю восторженно и ясно,
что на доске составил я сонет.

Владимиру Набокову сегодня посвящаются десятки книг, диссертаций, в ряде американских университетов аспиранты изучают "взаимодействие" творческих принципов писателя с его шахматно-композиторскими "мелодиями". Редколлегия же "Словаря" почему-то не нашла в нем В. Набокову места... Однако обойти стопроцентным молчанием это имя издание не рискнуло. Творец "Лолиты" все же упоминается, но в каком контексте!.. Есть в "Словаре" статья И.М. Линдера "Шахматы в литературе". Одна из многочисленных ее сентенций завершается так: "...русско-амер. писатель В. Набоков ("Защита Лужина", 1929—1930)". И никто, увы, в редколлегии "Словаря" не восстал против этого утверждения: а ведь не было "русско-амер." писателя В. Набокова, был В. Сирин—Набоков, роман "Защита Лужина" подписан В. Сириным, а не В. Набоковым, и

книга эта издана берлинским книгоиздательством "Слово" не в 1929 году, а годом позднее.

Возвратившись из первого космического полета, Виталий Севастьянов заявил, что в следующее путешествие к звездам обязательно захватит с собой рассказы Василия Аксенова — настолько был покорен тончайшим его рассказом "Победа", опубликованным в 1965 году "Юностью". Однако имени Аксенова в "Словаре" нет. Не велика, правда, беда: рассказ "Победа" включен Б. Хохберггом в американскую антологию "Шахматы и мировая литература".

Забвение творчества В. Набокова, естественно, привело к тому, что "Словарь" замолчал и еще одно произведение русской литературы — стихотворение "Защита Лужина" известного поэта Валерия Перелешина, включенное, кстати, в первую антологию русских стихов на шахматную тему — "Мнемозина и Каисса". И, хотя книга эта есть во многих шахматных библиотеках СССР, однако в поле зрения авторов и составителей "Словаря" она не попала. В статье о профессоре Александре Александровиче Смирнове лишь упомянуто, что он является автором книги "Красота в шахматной партии", но не сказано, что книга была одной из первых, выпущенных славным издательством "Academia", и что этот раритет переиздан в 1987 году американским издательством "Антиквариат". В "Словаре" перечислены пять изданий поэмы "Гакраб", переведенной с древнееврейского Я. Эйхенбаумом. Однако самое интересное, иллюстрированное диаграммой и вышедшее в 1926 году в Харбине в издательстве "Заря", почему-то обходится молчанием.

"Энциклопедический словарь" — книга, конечно, шахматная, и хотя о ее "литературной" части можно писать немало (а на мой взгляд, лучше бы ее переписать целиком), необходимо посмотреть на нее и с точки зрения изложения фактов историко-биографических. И тут

не раз сталкиваешься с искажением и сокрытием от читателей отдельных моментов истории отечественной шахматной школы. Вот статья М. Юдовича "Алехин Александр Александрович". Здесь, в частности, сообщается: "В 1917—1918 несколько месяцев жил (Алехин. — Э. Ш.) в Одессе, затем возвратился в Москву". Увы, текст столь лаконичен, что читатель ненароком подумает, будто гениальный шахматист всего лишь прогулялся по пушкинским местам города, сыграл несколько партий с любителями, повеселился и отбыл в столицу. Реальная же ситуация была иной. Не шахматы забросили А. Алехина в южный город, а служба ЧК. В чем–то, однако, серьезном он проштрафился и был приговорен... к расстрелу. (Сейчас в журнале "Шахматы в СССР" пишут о том, что спас тогда Алехина от смерти Л. Троцкий. Еще одна небылица...) В то же самое время в Одессе пребывал мастер Яков Вильнер. Кроме шахматной композиции, он занимался еще и... приведением в исполнение приговоров ЧК. Именно он за два часа до казни Алехина связался по вертушке с Раковским, тогдашним "хозяином" Украины (а тот почитал Алехина), и будущему чемпиону мира бала дарована жизнь. Откуда у меня эта информация? — вправе спросить читатель. Именно о таком, а не ином ходе событий в жизни А. Алехина впервые поведал замечательный русский шахматист Ф.П. Богатырчук в своих воспоминаниях "Мой жизненный путь...". А каким образом об этом аузнал Ф.П. Богатырчук? Оказывается, был знаком с архивом шахматного мецената Людвига Коллийна, который фактически усыновил сына Алехина. Коллийн не раз помогал чемпиону мира, ему–то Алехин и рассказал правду о своей жизни.

Заканчивает автор свою статью об Алехине сентиментальной фразой: "Последние месяцы жизни Алехин провел в бедности и одиночестве в Португалии". Чем же объяснить столь трагический финал жизни великого

Маэстро? "Энциклопедический словарь" ответа на этот вопрос не дает. Замалчиваются факты публикации Алехиным расистских статей в оккупационной газете "Паризер Цайтунг", требования шахматистов Запада после войны открытого суда над Алехиным, поддержанные тогда шахматной федерацией Франции. Предвидя надвигающуюся грозу, Алехин предпочел уехать в Португалию.

Дважды, причем мельком, упоминается в "Словаре" Петр Петрович Потемкин. Отдельной статьи о бывшем директоре петербургских театров "Летучая мышь", "Кривое зеркало", к сожалению, нет, как нет хотя бы упоминания и имени его друга — мастера Виктора Кана. Эти шахматисты-эмигранты, думаю, заслуживают быть включенными в любую шахматную энциклопедию, тем паче в русскую. Во-первых, и П. Потемкин, и В. Кан были одними из инициаторов создания ФИДЕ — Международной шахматной федерации; во-вторых, именно П. Потемкин предложил ФИДЕ ее лозунг "Генс уна сумус". В-третьих, оба шахматиста защищали спортивную честь России на первой шахматной Олимпиаде...

Вот тут-то, полагаю, советский читатель и призовет меня, зарубежного критика, к ответу. Известно, что впервые советские шахматисты приняли участие в розыгрыше Кубка Гамильтона-Рассела в 10-й Олимпиаде 1952 года. "Словарь" называет иной год проведения первой шахматной Олимпиады 1927-й. Однако участие это началось гораздо раньше. Дело в том, что с 4 мая по 27 июля 1924 года во время Восьмых олимпийских игр была проведена и первая шахматная Олимпиада. Правда, она официально не входила в программу Игр, и в ней могли принять участие только шахматисты-любители. Эту первую в истории шахмат Олимпиаду удалось провести благодаря энергии трех энтузиастов: француза Пьера Винцента и русских эмигрантов Петра Потемкина и Виктора Кана. Руководил Олимпиадой Александр Але-

хин. Советские шахматные источники изредка ссылаются на это соревнование, но преподносят его как турнир на звание чемпиона мира среди любителей. Однако в этом чемпионате была и вторая система подсчета очков, о которой в СССР предпочитают умалчивать. Все отборочные состязания и финал суммировались, и по результатам участников определялось место страны, которую представляли шахматисты-любители. Победительницей первой неофициальной шахматной Олимпиады стала Чехословакия, команда России набрала в соревнованиях 4,5 очка: это три очка П. Потемкина, набранные им в главном турнире, и полтора В. Кана — в отборочных соревнованиях.

Не ошибусь, если на гипотетический вопрос: "Кто был первым русским чемпионом мира по шахматам?", услышу — "Александр Алехин". Если же следовать фактам, то не А. Алехин, а... легендарная Вера Менчик. Шахматистка родилась в Москве в 1906 году. Ее отец был чех, мать англичанка. С 1921 года Вера жила в Англии, но многие годы продолжала говорить только по-русски. 30 июля 1927 года в Лондоне она выиграла первый чемпионат мира по шахматам среди женщин с почти фишеровским результатом — 10,5 очка из 11 возможных. На столике, где чемпионка разыгрывала свои партии, во время соревнований красовался трехцветный российский флаг, а в турнирной таблице значилось — "Вера Менчик. Россия..." И об этом событии из истории русских шахмат почему-то умалчивается в "Словаре".

Не найти в книге и следов Виктора Султанбеева, одаренного русско-бельгийского мастера, четырехкратного чемпиона Бельгии, автора самой интересной книги о матче Алехин—Капабланка, как не найти, увы, и много-много другого.

Новейшая история советских шахмат также подвергается редакцией "Словаря" соответствующему переосмыслению. Вот статья о Федоре Парфеньевиче

Богатырчуке, которую по словам главного редактора А. Карпова, он "пробил" невероятным трудом. Оставим на совести редколлегии "мелочь" — искажение отчества шахматиста (в "Словаре" он назван почему-то Парфеновичем). Но вот положение, которое требует разъяснения: "В период 2-й мировой войны 1939—1945 сотрудничал с оккупантами на Украине"... Ни в 1939-м, ни в 1940-м году, ни даже до осени 1941 года Богатырчук, житель Киева, "сотрудничать с оккупантами" не мог физически: во время оккупации Киева он прошел через подвалы гестапо и чудом избежал смерти. А позднее стал одним из авторов Пражского Манифеста Народов России, принимал участие (совместно с Боголюбовым) в одном турнире, устроенном немцами в Польше. Именно там он требовал включения в турнир польских мастеров, что и тогда угрожало ему смертью. В таких же "немецких" турнирах в годы войны, кстати, принимали участие и респектабельные Пауль Керес и Макс Эйве... Почти ничего не сказано в статье о спортивных достижениях Ф.П. Богатырчука. Напомню лишь, что в пяти сыгранных с Михаилом Ботвинником турнирных партиях он трижды побеждал и дважды сводил партии вничью. Так никто никогда не громил Ботвинника в расцвете его творческих сил.

Отсутствуют в "Словаре" статьи о мастере Я. Юхтмане (напомним лишь, что в финале 26-го первенства СССР он почти в миниатюре разбил Таля и сыграл вничью со Спасским, Петросяном, Кересом, Корчным и другими титулованными шахматистами); нет и упоминания о международном мастере Игоре Иванове, победителе Анатолия Карпова.

Однако что можно было позволить с Я. Юхтманом и И. Ивановым, нельзя с Виктором Корчным. Этого имени из шахматной песни не выкинешь... Статья о В. Корчном содержит тридцать одну строчку текста, без диаграмм партий и библиографии. А вот пресс-атташе

А. Карпова, А. Рошалю, например, посвящается 38 строчек текста, сталинскому прокурору В. Батуринскому, как и В. Корчному, тоже 31 строчка... Но и в них не удалось избежать некоторого передергивания. Неправильно сообщена дата рождения Корчного: перепутан июль с мартом — это, наверное, небольшая беда. Но вот фраза: "Победитель ряда международных турниров...". За емкое русское словечко "ряд", оказывается, можно многое спрятать. А ведь из ныне здравствующих шахматистов В. Корчному принадлежит первенство по числу побед в крупных международных турнирах и в соревнованиях союзного значения. Количество таких побед у В. Корчного приближается к фантастической цифре 100!

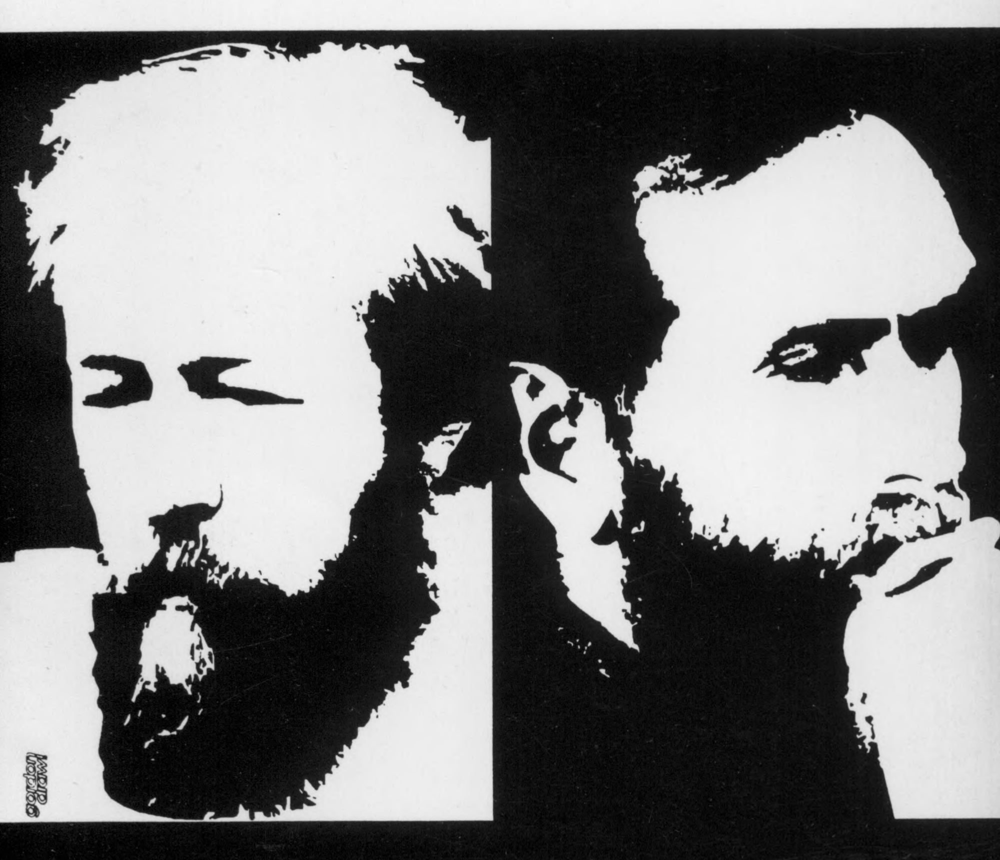
Принцип отбора материалов в "Словаре" вообще непонятен. Например, в нем мы найдем имя и еще одного бывшего сталинского прокурора, Владислава Литмановича, приложившего в свое время немало сил к расправе в Варшаве над уцелевшими польскими патриотами из Армии Краевой. В 1952 году этот мастер представлял Польшу на 10-й Олимпиаде в Хельсинки. Может быть, за результат, показанный там, и включен В. Литманович в советский "Словарь"? Будучи запасным (не исключено, что и "нянькой" команды), он сыграл четыре партии, из которых успешно проиграл три, а одну, с представителем Кубы, свел вничью. А вот имени его жены, Миры Литманович, победительницы международного турнира в Петркув-Трыбунальском и одной из ведущих шахматисток Польши в течение почти четверти века, мы в "Энциклопедическом словаре" не найдем. Как и не найдем и имени Американского мастера Ханнона Рассела, а ему-то принадлежит уникальнейшее собрание шахматных документов, начиная с времен Филидора. Сегодня, например, нельзя серьезно говорить об отношениях между А. Алехиным и Х. Капабланкой, не ознакомившись с их обширной перепиской, хранящейся

в собрании этого коллекционера. Ни слова в "Словаре" и о вкладе в развитие шахматной культуры США, который внесли шахматисты–эмигранты...

Есть, конечно, и кое–что ценное в "Словаре". Так, скажем, он воскресил неологизм хрущевской эпохи: "Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно", правда "незаконно" заменено на более расплывчатое — "необоснованно". Знакомишься с биографиями погибших в годы сталинского террора шахматистов, и, поверьте, радуешься: лагерная коса коснулась единиц. Уважал королевскую игру генералиссимус, почитал Ботвинника, даровал жизнь Кересу. И, право же, если присутствует на страницах "Словаря", скажем, Батуринский, почему бы не вспомнить и о друге советских шахматистов Сталине и об истинном шахматном болельщике (без йоты иронии) Леониде Ильиче Брежневе?..

"Энциклопедический словарь" — удовольствие не из дешевых. И я сомневаюсь, стоит ли он стольких рублей и долларов. Вряд ли ведь энциклопедического "духа" в нем и не сыщешь, а замалчивание в нашу эпоху гласности, разве оно не хуже лжи?

СОДЕРЖАНИЕ

gordon ward
ANTIQUARY 1993